

КЛАІВ БАРКЕР

КНИГА КРОВИ II

Клайв Баркер

Вечный похититель

1

Недоеденный Харви

Огромный серый зверь февраль заживо съел Харви Свика. А вот и он, погребенный в животе того удушающего месяца, размышляет, сможет ли когда-нибудь отыскать дорогу в промерзших закоулках, что лежат между настоящим и Пасхой. Харви не слишком много раздумывал о своих шансах. Очень вероятно, он так и скучал бы, пока однажды в голову не пришла мысль, что время тянется слишком медленно. Ему даже могло показаться — он забывает дышать. Тут, скорее всего, люди удивятся, почему такой превосходный молодой человек погиб в лучший момент своей жизни. Это останется грандиозной тайной до тех пор, пока некий великий сыщик не решит воссоздать день из жизни Харви Свика.

Тогда и только тогда будет открыта мрачная правда. Сначала сыщик проследовал бы тем ежеутренним маршрутом, которым следовал Харви в школу, тащась вдоль непривлекательных улиц. Затем он уселся бы за партой Харви и услышал вызывающее жалость бормотание учителя истории и учителя естественных наук и подивился бы, как героический мальчик умудрялся держать глаза открытыми. И наконец, когда пустой день превратится в сумерки, он бы вернулся длинной и утомительной дорогой домой, и когда бы он поставил ногу на лестницу, откуда ушел тем утром, и люди бы спросили его, — как это у них принято, — почему такой приятный молодой человек, как Харви, умер, он бы покачал головой и сказал:

«Это очень просто».

«О, — воскликнула бы любопытная толпа. — Скажите, пожалуйста».

И, смахивая слезу, сыщик ответил бы:

«Харви Свика съел огромный серый зверь Февраль».

Это был чудовищный месяц, вот уж точно, гнусный и унылый месяц. Удовольствия Рождества, и острые, и сладкие, уже затуманились в памяти Харви, и обещание лета было столь далеким, что казалось мифическим. Конечно, будут весенние каникулы, но насколько до них далеко? Пять недель? Шесть? Математика не была его сильной стороной, поэтому он не беспокоил себя больше, делая попытки и терпя неудачу в подсчете дней. Он просто знал, что задолго до того, как солнце придет спасти его, он уже завязнет в желудке зверя.

«Ты не должен тратить время, сидя здесь», — сказала его Мама, войдя и обнаружив, что он наблюдает, как дождевые капли догоняют друг друга, сбегая по стеклу окна в спальне.

«У меня ничего нет получше, чем бы заняться», — ответил Харви, не оглядываясь.

«Ну тогда ты можешь быть полезным», — сказала Мама.

Харви пожал плечами. Полезным? Еще одно наименование тяжелой работы. Он вскочил, подбирая оправдания — он не делал этого, он не делал того, — но было слишком поздно.

«Для начала ты можешь привести в порядок эту комнату», — сказала Мама.

«Но...»

«Не просиживай в мечтаниях дни напролет, дорогой. Жизнь слишком коротка».

«Но...»

«Вот это хороший мальчик».

И с этим она оставила его. Бормоча себе под нос, он обошел комнату. Тут не было даже беспорядка. Несколько игр разбросано, пара ящиков выдвинуто, кое-что из одежды не убрано в шкаф: выглядело совсем неплохо.

«Мне десять, — сказал он себе (не имея ни братьев, ни сестер, он частенько разговаривал сам с собой). — Это значит, что я не ребенок. Я не должен прибираться только потому, что она так говорит. Это скучно».

Теперь он не просто бормотал, он говорил вслух. «Я хочу... Я хочу...» Он подошел к зеркалу и спросил его:

«Чего же я хочу?» Курносый мальчик с соломенными волосами и карими глазами, которого он видел перед собой, покачал головой. "Я не знаю, чего хочу, — сказал он. — Я знаю только, что умру, если не будет чего-то веселого. Я!

Умру!"

Когда он говорил, окно зазвенело — в него ударил крепкий порыв ветра, затем второй, затем третий. И хотя Харви не помнил, чтобы окно было приоткрыто больше чем на дюйм, оно внезапно распахнулось. Холодный дождь окропил его лицо. Полузакрыв глаза, он подошел к окну и на ощупь попытался закрыть его, сначала уверившись, что в этот раз задвижка легла на место.

Ветер раскачал лампу, и когда Харви повернулся, казалось, раскачивается вся комната. На мгновение свет в его глазах вспыхнул, затем залил противоположную стену. Но между вспышкой и тем, как разлиться, он осветил середину комнаты, и там — отряхивающий со шляпы капли дождя — стоял незнакомец.

Выглядел он достаточно безобидно. Он был не более чем на шесть дюймов выше Харви, тощ, кожа отчетливо желтоватого цвета. Носил он превосходный костюм, очки и широчайшую улыбку.

«Ты кто?» — требовательно спросил Харви, раздумывая, как ему пройти к двери мимо этого нахала.

«Не нервничай, — ответил человек, сдергивая одну из замшевых перчаток и хватая руку Харви и трясая ее. — Меня зовут Риктус. Ты — Харви Свик, верно?»

«Да...»

«А то я было подумал, что забрался не в тот дом».

Харви не мог отвести взгляда от ухмылки Риктуса. Она была достаточно широка, чтобы позавидовала акула, — в два ряда идеальных сверкающих зубов.

Риктус вытащил платок из кармана своего промокшего насквозь пиджака, затем снял очки и принялся стирать с них капли дождя. Либо он, либо платок издавали запах, далекий от благоухания. Аромат, честно говоря, был как в туалете.

«Я вижу, у тебя есть вопросы», — сказал Риктус.

«Ага».

«Спрашивай. Мне нечего скрывать».

«Хорошо. Как ты сюда забрался, это во-первых?»

«Через окно, разумеется».

«Высоковато с улицы».

«Если летаешь, то нет».

«Летаешь?»

«Конечно. Как еще я намеревался бы добраться сюда в такую отвратительную ночь? Либо так, либо на гребной лодке. Мы, маленький народец, должны смотреть в оба, когда сильно льет. Один неверный шаг и плывешь. — Он насмешливо уставился на Харви. — Ты плаваешь?»

«Летом, иногда», — ответил Харви, желая вернуться к проблеме летного дела.

Но Риктус направил беседу совсем в другом направлении. «По ночам, вроде этой, — сказал он, — тебе не кажется, будто лета никогда больше не будет?»

«Это точно», — согласился Харви.

"Знаешь, я услышал твой вздох за милю, и сказал себе:

«Тут есть ребенок, нуждающийся в каникулах». Он сверился с часами. «Если у тебя есть время, каникулы будут».

«Время?»

«Для путешествия, мальчик, для путешествия! Ты нуждаешься в приключениях, молодой Свик. Где-то... вне этого мира».

«Как ты услышал, что я вздыхаю, когда ты был на расстоянии мили?» Харви хотел знать.

«Какая разница? Я услышал тебя. Вот и все дела».

«Это какое-то волшебство?»

«Может быть».

«Почему ты мне не говоришь?»

Риктус посмотрел на Харви непроницаемым взглядом.

«Думаю, ты слишком любопытен, и это тебе не на пользу, вот почему, — сказал он, и его улыбка немного подпортилась. — Если ты не хочешь помощи, мне же лучше».

Он сделал движение в сторону окна. Ветер все еще ударял в стекло, будто бы страстно желал вернуться обратно и унести прочь своего пассажира.

«Погоди», — сказал Харви.

«Для чего?»

«Прости. Больше я не буду задавать вопросов».

Риктус замер, держа руку на задвижке. «Больше никаких вопросов, угу?»

«Обещаю, — произнес Харви. — Говорю тебе: я извиняюсь».

«Значит, извиняешься. Значит, извиняешься». Риктус глядел на дождь. «Я знаю местечко, где дни всегда солнечные, — заявил он. — Мы пришли к соглашению, мальчик, никаких вопросов».

«Да. Я извиняюсь».

«Будучи снисходительным, я забуду, что ты говорил, и скажу тебе вот что: если хочешь, чтобы я попросил за тебя, я посмотрю, не приготовлена ли комната для другого гостя».

«Я бы этого хотел».

«Я ничего не гарантирую», — сказал Риктус, открывая задвижку.

«Понимаю».

Ветер внезапно подул и широко распахнул окно. Свет начал неистово колебаться.

«Жди меня», — прокричал Риктус, пересиливая гул дождя и ветра.

Харви кинулся спросить, скоро ли он вернется, но в один миг остановил себя.

«Никаких вопросов, мальчик!» — сказал Риктус. И пока говорил, ветер, казалось, наполнил его пальто. Оно вздулось, как черный воздушный шар, и внезапно Риктус взлетел с подоконника.

«Вопросы развращают ум! — прокричал он, улетаю. — Держи рот на замке и посмотрим, что придется на твою долю!»

И с тем ветер унес его прочь. Черный воздушный шар пальто поднялся словно черная луна на дождливом небе.

2

Таинственная дорога

Харви ничего не сказал о своем необычном посетителе ни Маме, ни Папе, вдруг они повесят на окна замки, чтобы помешать Риктусу вернуться в дом. Но в таком сохранении тайны были и свои неудобства, через несколько дней Харви начал сомневаться, не вообразил ли он все. Возможно, я заснул на окне, думал он, и Риктус был только сном.

Тем не менее он продолжал надеяться. «Жди меня», — сказал Риктус, и Харви так и делал.

Он смотрел из окна своей комнаты. Он смотрел со своей парты в школе. Он даже караулил одним глазом, когда лежал ночью на подушке. Но Риктус не появлялся.

И затем, приблизительно через неделю после первого визита, как раз тогда, когда надежда пошла на убыль, его бдительность была вознаграждена. Одним туманным утром по пути в школу он услышал голос у себя над головой и, взглянув вверх, увидел выплывающего из облаков Риктуса, пальто его раздулось так, что он выглядел толще свиньи на выставке.

«Как делишки?» — спросил он, спускаясь.

«Я начал думать, что придумал тебя, — ответил Харви. — Знаешь, вроде как сон».

«Это мне частенько говорят, — сообщил Риктус с еще более широкой улыбкой, чем прежде. — Особенно дамы. Ты — мечта, ставшая действительностью, говорят они». Риктус подмигнул. «А кто я такой, чтобы спорить?.. Тебе нравятся мои туфли?»

Харви посмотрел вниз на ярко-голубые туфли Риктуса. Они были что надо, и он так и сказал.

«Мне дал их мой босс, — похвастался Риктус. — Он чрезвычайно счастлив, что ты приедешь погостить. Итак ты готов?»

«Ну...» «Не стоит терять время, — сказал Риктус. — Завтра комнаты для тебя может не оказаться».

«Могу я задать только один вопрос?»

«Я думал, мы пришли к соглашению...»

«Знаю. Но только один».

«Ладно. Один».

«Это место далеко отсюда?»

«Не-а. Прямо на той стороне города».

«Значит, я пропущу в школе только пару часов?»

«Это уже два вопроса», — сказал Риктус.

«Нет, я просто размышляю вслух».

Риктус хмыкнул. «Смотри, — предупредил он. — Я тут не для того, чтобы песни петь и пляски разводить, уговаривая тебя. У меня есть приятель по имени Джайв, чтобы этим заниматься. А я просто весельчак. Я улыбнусь и говорю: иди со мной в Дом Каникул, и если ребятки не хотят идти...» Он пожал плечами. «Что ж, тем хуже для них».

С тем он и повернулся спиной к Харви.

«Погоди! — запротестовал Харви. — Я хочу пойти. Но только ненадолго».

«Ты можешь оставаться там так долго, как захочешь, — успокоил Риктус. — Или так недолго. Я хочу только убрать это хмурое выражение с твоего лица и чтобы на твоём лице было что-то вроде этого». Его улыбка стала даже еще шире. «Есть ли в этом какое преступление?»

«Нет, — ответил Харви. — Это не преступление. Я рад, что ты отыскал меня. По-настоящему рад».

Что с того, если он пропустит все утро в школе, подумал он, невелика будет потеря. Так же как и час или два днем. Поскольку он вернется домой к трем часам. Или к четырем. Но уж точно до темноты.

«Я готов идти, — сказал он Риктусу. — Показывай дорогу».

Миллсэп, город, где Харви прожил всю свою жизнь, не был очень велик, и он думал, что видел почти весь его за эти годы. Но улицы, которые он знал, скоро остались позади, и хотя Риктус развивал значительную скорость, Харви старался держать в памяти приметы, отмечавшие путь, на тот случай, если ему придется самому искать дорогу домой. Лавка мясника с двумя свиными головами, свисающими с крюков, церковь и двор возле нее, полный старых могил, статуя какого-то давно умершего генерала, покрытая от шляпы до стремян голубиным пометом, — все эти знаки он более или менее заметил и запомнил.

И пока они шли, Риктус не прекращал поток праздной болтовни.

«Ненавижу туман! Просто ненавижу! — выкрикивал он. — Ив полдень будет дождь. Мы, конечно, под него не попадем...» От разговора о дожде он перешел к состоянию улиц. «Посмотри на этот мусор по всему тротуару! Позор! А тут еще слякоть, которая превращает мои прекрасные туфли в старые развалюхи!»

У него было много, что сказать, но ничего из этого не было особенно информативным, и немного спустя Харви перестал слушать. Как далеко был Дом Каникул, начал размышлять он. Его пробирал озноб от тумана, ноги начали дрожать. Если вскоре они не доберутся, он хотел повернуть обратно.

«Я знаю, о чем ты думаешь», — сказал Риктус.

«Бьюсь об заклад, нет».

«Ты думаешь, что все это трюк. Думаешь, Риктус ведет тебя таинственным путем, конца которому нет. Верно?»

«Может, чуть-чуть».

«Хорошо, мой мальчик. У меня есть новости для тебя. Посмотри-ка вперед».

Риктус показал — и там, не очень далеко от того места, где они стояли, находилась высокая стена, такая длинная, что справа и слева терялась в тумане.

«Что ты видишь?» — спросил Риктус.

«Стену», — ответил Харви, хотя чем дальше он смотрел, тем менее уверенным становился. Камни, которые на первый взгляд выглядели достаточно прочными, теперь, казалось, двигались и шатались, будто были высечены из самого тумана и возложены один на другой, чтобы сдержать любопытствующий взгляд.

«Похоже на стену, — сказал Харви, — но это не стена».

«Ты очень наблюдателен, — с восхищением воскликнул Риктус. — Большинство людей видят глухой тупик, поэтому поворачиваются и идут другой улицей».

«Но не мы».

«Нет, не мы. Мы продолжим путь. Знаешь почему?»

«Потому что Дом Каникул с той стороны?»

«Что ты за у-ди-ви-тель-ный ребенок! — заявил Риктус. Совершенно верно. — Кстати, ты хочешь есть?»

«Умираю от голода».

«Что же, в Доме Каникул тебя ждет женщина, миссис Гриффин. И позволю себе сказать: она величайшая кухарка на всем свете. Клянусь могилой моего портного. Она может приготовить все, что бы ни возмечталось из еды. Тебе надо сделать только одно — попросить. А яйца со специями, — он причмокнул губами, — просто совершенство».

«Я не вижу ворот», — сказал Харви.

«Это потому, что их нет».

«Как же в таком случае мы войдем?»

«Просто продолжай идти».

Наполовину из-за голода, наполовину из-за любопытства Харви сделал, как указал Риктус, и когда он находился на расстоянии трех шагов от стены, порыв душистого, пахнущего цветами ветра проскользнул между мерцающих камней и поцеловал его в щеку. Это тепло радушно приглашало после долгой, утомительной дороги, и он прибавил шагу, потянулся, чтобы прикоснуться к стене, когда к ней приблизился. Туманистые камни, казалось, в свою очередь потянулись к нему, обнимая за плечи своими мягкими серыми руками и проводя сквозь стену.

Он оглянулся, но улица, из которой он шагнул, со своими серыми тротуарами и серыми облаками, уже исчезла. Под ногами была трава — высокая и полная цветов. Над головой было синее небо середины лета. А впереди, построенный на вершине обширного холма, находился Дом, который, вероятно, впервые воображен в мечте.

Он подождал, чтобы посмотреть, идет ли за ним Риктус, но не стал раздумывать, каким образом серый зверь Февраль был убит и на его месте возник этот теплый день. Харви просто испустил смешок, которым и сам Риктус мог бы гордиться, и заторопился вверх по склону под сень Дома Мечты.

3

Удовольствие и червь

Как было бы здорово, думал Харви, построить что-нибудь подобное. Заложить фундамент глубоко в землю, настелить полы и возвести стены, чтобы сказать: там, где ничего не существовало, я воздвиг дом. Это было бы очень здорово.

Опять-таки, место это не походило на напыщенного павлина. Ни мраморных лестниц, ни витых колонн. Это был горделивый Дом, но тут явно не было ничего дурного, а было много чем гордиться.

Дом возвышался на четыре этажа и хвастал большим количеством окон, чем Харви мог с легкостью подсчитать. Крыльцо было широким, к украшенной резьбой двери вели ступени, а крытые шифером крыши были круты и увенчивались величественными каминными трубами и громоотводами.

Однако высочайшей точкой была не труба и не громоотвод, а большой искусно отделанный флюгер, который Харви и разглядывал, когда услышал, как открылась входная дверь и голос произнес:

«Ну надо же, Харви Свик, собственной персоной».

Он посмотрел вниз, белый силуэт флюгера все еще стоял в глазах, а тут, на крыльце, была женщина, перед которой его бабушка (самый старый человек, которого он знал) выглядела молодой.

Ее лицо напоминало скатанный клубок паутины, откуда волосы ее, которые тоже могли быть паучьей работы, торчали многочисленными клочками. Глаза ее были крошечными, рот сжат, руки скрючены. Однако голос ее оказался мелодичным, а слова радушными.

«Я думала, что, может быть, ты решил не приходить, — сказала она, поднимая корзину свежесрезанных цветов, которую она оставила на ступенях. — Это было бы жалко. Входи! Еда на столе. Ты, наверное, проголодался».

«Я надолго не останусь», — произнес Харви.

«Ты должен делать все, что пожелаешь, — послышалось в ответ. — Я, между прочим, миссис Гриффин».

«Да, Риктус упоминал о вас».

«Надеюсь, он не слишком утрудил твои уши. Он обожает звук собственного голоса. И еще — свое отражение».

Тут Харви забрался на ступени крыльца и остановился перед открытой дверью. Он знал, это был момент решения, хотя почему, в точности не ведал.

«Шагай внутрь», — сказала миссис Гриффин, отбрасывая паучьи волосы со своего покрытого морщинами лба.

Но Харви все еще колебался, он мог бы повернуться кругом и никогда не шагнуть внутрь Дома, если бы не услышал мальчишечий голос, вопящий: «Поймал! Поймал тебя!» Затем последовал буйный смех.

«Венделл! — воскликнула миссис Гриффин. — Ты опять гоняешься за кошками?»

Смех стал еще громче и был настолько полон радости, что Харви переступил порог и вошел в Дом, чтобы увидеть лицо смеявшегося.

Он видел его только мельком. Бестолковое лицо в очках на мгновение появилось в другом конце коридора. Затем между ног мальчика прошмыгнула пегая кошка и тот помчался на нею, опять вопя и смеясь.

«Такой сумасбродный мальчишка, — сказала миссис Гриффин, — но все кошки любят его!»

Изнутри Дом был еще более прекрасен, чем снаружи. Даже во время короткого путешествия до кухни Харви увидел достаточно, чтобы понять: здесь все устроено для игр, погонь и приключений. Это был лабиринт, в котором ни одна дверь не была похожа на другую. Это было сокровище, где какой-нибудь знаменитый пират спрятал свою награбленную, залитую кровью добычу. Это было место отдыха для ковров, на которых летают джинны, и для ящиков, запечатанных еще до Потопа, куда яйца тварей, исчезнувших с земли, заключены, ожидая, пока солнечное тепло высидит их.

«Он совершенен!», — пробормотал сам себе Харви.

Миссис Гриффин услышала его слова. «Нет ничего совершенного», — ответила она.

«Почему нет?»

«Потому что время проходит, — продолжала она, глядя на срезанные ею цветы. — И пчела, и червь рано или поздно находят дорогу во все».

Слыша это, Харви недоумевал, что за горе извела миссис Гриффин, если она сделалась столь печальной.

«Извини, — сказала она, прикрывая свою печаль слабой улыбкой. — Ты пришел сюда не для того, чтобы слушать мои траурные песни. Ты пришел, чтобы развлекаться, не так ли?»

«Думается, да», — ответил Харви.

«Поэтому, позволь мне соблазнить тебя кое-какими угощениями».

Харви уселся за большой кухонный стол, и в одну минуту миссис Гриффин поставила перед ним дюжину тарелок с едой: гамбургеры, горячие сосиски и жареные цыплята, горы политого маслом картофеля, яблоки, вишни и шоколадные пироги, мороженое и взбитые сливки, виноград, мандарины и блюдо с фруктами, названия которых он даже и не знал.

Он стал с аппетитом есть и поглощал уже второй кусок шоколадного пирога, когда, легко ступая, вошла веснушчатая девочка с длинными кудрявыми светлыми волосами и огромными зеленовато-голубыми глазами.

«Ты, должно быть, Харви», — сказала она.

«Откуда ты знаешь?»

«Венделл мне сказал».

«А он откуда знает?»

Девочка нахмурилась: «Он просто слышал. Я, кстати, Лулу».

«Ты только что прибыла?»

«Нет. Я здесь уже сто лет. Дольше, чем Венделл. Но не так долго, как миссис Гриффин. Никто не был здесь так долго, как она. Верно?»

«Почти, — сказала миссис Гриффин чуть таинственно. — Хочешь чего-нибудь поесть, золотко?»

Лулу покачала головой:

«Нет, спасибо. У меня сейчас нет аппетита».

Тем не менее она села напротив Харви, ткнула в шоколадный пирог большим пальцем и затем его облизала.

«Кто пригласил тебя сюда?» — спросила она.

«Человек по имени Риктус».

«О, да. Тот, с ухмылкой».

«Да, он».

«У него есть сестра и два брата», — продолжала она.

«Ты что, встречала их?»

«Не всех, — призналась Лулу. — Они держатся особняком. Но рано или поздно ты встретишь одного из них».

«Я... не думаю, что останусь, — сказал Харви. — Наверное, Мама и Папа даже не знают, что я здесь».

«Разумеется, знают, — ответила Лулу. — Они просто тебе не говорили». Харви смутили ее слова, и он в этом признался. «Позвони своим Мама и Папе, — предложила Лулу. — Спроси их».

«Я могу это сделать?» — удивился он.

«Конечно, можешь, — ответила миссис Гриффин. — Телефон в коридоре».

Взяв с собой полную ложку мороженого, Харви пошел к телефону и набрал номер. Сначала он услышал воющий звук в трубке, будто в проводах гудел ветер. Затем, когда прояснилось, он услышал, как его Мама говорит:

«Кто это?»

«До того, как ты начнешь вопить...» — начал он.

«О, привет, дорогой, — проворковала Мама. — Ты добрался?»

«Добрался?»

«Ты в Доме Каникул, надеюсь?»

«Да, там. Но...»

«О, замечательно. Я волновалась, что ты заблудился. Тебе там нравится?»

«Ты знала, куда я иду?» — спросил Харви, поймав взгляд Лулу.

Говорила тебе — одними губами произнесла она.

«Конечно, мы знали, — продолжала его Мама. — Мы пригласили мистера Риктуса показать тебе это место. Ты выглядел таким печальным, бедный ягненок. Мы подумали, что тебе следует немного развлечься».

«На самом деле?» — спросил Харви, пораженный подобным поворотом событий.

«Мы только хотели, чтобы ты немного развлекся, — продолжала Мама. — Поэтому оставайся там столько, сколько захочешь».

«А как насчет школы?» — спросил он.

«Ты заслужил, чтобы немного пропустить, — раздалось в ответ. — Не беспокойся ни о чем. Просто весело проводи время».

«Хорошо, Мам».

«Пока, дорогой».

«Пока».

Харви пошел прочь от телефона. Разговор изумил его.

«Ты оказалась права, — сказал Лулу. — Они все устроили».

«Значит, теперь тебе не из-за чего чувствовать свою вину, — заявила Лулу. — Ну, думаю, увидимся попозже, хорошо?»

И она легкими шагами ушла прочь.

«Если ты закончил есть, — сказала миссис Гриффин, — я покажу тебе твою комнату».

«Мне бы этого хотелось».

Она чинно повела Харви вверх по лестнице. На площадке между пролетами, греясь на залитом солнцем подоконнике, лежала кошка с мехом цвета безоблачного неба.

«Это Блю Кэт, — пояснила миссис Гриффин. — Ты видел Стю Кэт, игравшую с Венделлом. Не знаю, где Клю Кэт, но она разыщет тебя. Она любит новых гостей».

«А много людей приходит к вам сюда?».

«Только дети. Они очень особые, вроде тебя, и Лулу, и Венделла. Мистеру Худу не нужно кого попало».

«Кто такой мистер Худ?»

«Человек, который построил Дома Каникул», — ответила миссис Гриффин.

«Я его тоже встречу?»

Казалось, вопрос поверг миссис Гриффин в замешательство.

«Может быть, — сказала она, отводя взгляд. — Но он очень замкнутый человек».

Теперь они поднялись на этаж, и, следуя вдоль ряда написанных маслом портретов, миссис Гриффин провела Харви в комнату в глубине Дома. Та выходила во фруктовый сад, и теплый ветер принес с собой приятный запах свежих яблок.

«Ты устал, мое золотко, — сказала миссис Гриффин. — Может, ты приляжешь ненадолго?»

Харви обычно терпеть не мог спать днем: это слишком сильно напоминало ему о гриппе или о кори. Но подушка казалась очень холодной и удобной, и когда миссис Гриффин ушла, он решил прилечь, всего лишь на несколько минут.

Или он устал сильнее, чем думал, или покой и уют Дома укачали его, повергли в дремоту. Как бы то ни было, глаза его закрылись почти сразу, как только он положил голову на подушку, и не открывались до утра.

4

Смерть в межсезонье

Солнце пришло разбудить его вскоре после восхода: прямая белая полоса света легла на

веки. Харви вздрогнул, уселся на кровати, какое-то мгновение недоумевая, что это за кровать, что за комната, что за дом. Затем воспоминания о предыдущем дне вернулись, и он понял, что проспал с позднего полудня до раннего утра.

Отдых придал ему сил. Харви почувствовал прилив энергии и с возгласом удовольствия выпрыгнул из кровати и оделся.

Дом был даже еще радушнее, чем вчера, и цветы, что миссис Гриффин расставила на столах и подоконниках, ликовали всеми своими красками. Входная дверь была распахнута, и, скользнув вниз по сверкающим перилам, Харви выскочил на крыльцо, чтобы рассмотреть утро.

Его ожидал сюрприз. Деревья, которые вчера были тяжелы от листьев, потеряли свои кроны, на каждой ветке были новые крохотные почки, будто в первый день весны.

«Новый день, новый доллар», — сказал Венделл, рысцой огибая угол Дома.

«Что это значит?» — спросил Харви.

«Мой отец все время так говорит. Новый день, новый доллар. Он банкир, мой Папа. Венделл Гамильтон Второй. А я, я...»

«Венделл Гамильтон Третий».

«Откуда ты знаешь?»

«Случайно угадал. Я — Харви».

«Ага, знаю. Тебе нравятся дома на деревьях?»

«У меня никогда такого не было».

Венделл указал на самое высокое дерево. Там среди ветвей была установлена платформа, на которой высился недостроенный дом.

«Я работаю там уже несколько недель, — сказала Венделл. — Но в одиночку никак не доделаю. Ты мне не хочешь помочь?»

«Конечно. Но сначала мне надо что-нибудь съесть».

«Иди и ешь. Я буду неподалеку».

Харви направился в Дом и обнаружил, что миссис Гриффин ставит завтрак, подобающий принцу. На полу было пролитое молоко и кошка с хвостом, изогнутым как вопросительный знак, лакала его.

«Клю Кэт?» — спросил он.

«Совершенно верно, — гордо ответила миссис Гриффин. — Она озорница».

Клю Кэт взглянула вверх так, будто знала, что говорят о ней. Затем вспрыгнула на стол и стала искать среди блюд с пирожными и вафлями, чего бы еще съесть.

«Она может делать все, что захочет? — спросил Харви, видя, как кошка обнюхивает и то, и это. — Я имею в виду, кто-нибудь следит за ней?»

«О, ну за всеми нами кто-то следит, не так ли? — ответила миссис Гриффин. — Нравится нам это или нет. Ешь же, у тебя впереди какое-нибудь чудесное занятие».

Харви не нуждался в дополнительных приглашениях. Он накинулся на свою вторую трапезу в Доме Каникул даже с большим аппетитом, чем на первую, и затем отправился наружу, чтобы встретить день.

О, что это был за день!

Ветерок был теплым и пах зеленым ароматом растений, идеальное небо полно ныряющих вниз птиц. Он побрел по траве, держа руки в карманах, как повелитель всего, что обзирает, и выкликивая Венделла при приближении к деревьям.

«Можно подняться?»

«Если у тебя голова не кружится от высоты», — подзадорил его Венделл.

Лестница трещала, пока он взбирался, но он поднялся на платформу, не нащупывая ни одной ступеньки. Венделл был поражен.

«Неплохо для новичка, — сказал он. — У нас здесь было два ребенка, которые даже до половины не могли долезть».

«Куда они делись?»

«Обратно домой, я полагаю. Дети приходят и уходят, знаешь?»

Харви поглядел сквозь ветки, на которых лопалась каждая почка.

«Много здесь не увидишь, да? — спросил он. — Я имею в виду, тут нет никаких признаков города».

«Какая разница? — сказал Венделл. — Он в любом случае отсюда покажется серым».

«А здесь солнечно, — сказал Харви, разглядывая стену из туманных камней, которая отделяла сады Дома от внешнего мира. — Как это получается?»

Вновь ответ Венделла оказался тем же. «Какая разница? — сказал он. — Мне все равно. Ну, мы начинаем строить или как?»

Они потратили следующих два часа, работая над древесным домом, спускаясь множество раз, чтобы втащить материалы, которые грудой валялись возле фруктового сада, отыскивали доски, чтобы закончить ремонт. К полудню они не только отыскивали достаточно деревяшек, чтобы укрепить крышу, но каждый из них нашел еще и друга. Харви понравились плоские шутки Венделла, и это «какая разница?», которое находило дорогу в каждое второе предложение. Венделл, казалось, был также счастлив в обществе Харви.

«Ты первый по-настоящему веселый ребенок», — сказал он.

«А Лулу?»

«Что Лулу?»

«Она нисколько не веселая?»

«Она была в порядке, когда я только прибыл, — признал Венделл. — Я имею в виду, она была здесь месяцы, поэтому была так добра, что показала мне это место. Но последние несколько дней она стала странной. Я видел, как она иногда бродит повсюду так, будто ходит во сне, с бессмысленным выражением на лице».

«Возможно, она сходит с ума, — сказал Харви. — Ее мозг превращается в кашу».

«Ты знаешь об этой дряни?» — спросил Венделл, его лицо осветилось дьявольским восторгом.

«Конечно, знаю, — солгал Харви. — Мой Папа — хирург».

Больше всего Венделл был поражен этим, и в течение нескольких секунд слушал с изумленной завистью, как Харви рассказывал ему обо всех операциях, которые он видел: о распиленных черепах и отрезанных ногах, пришитых туда, где обычно бывают руки, о человеке с нарывом на спине, который вырос в говорящую голову.

«Клянешься?» — спросил Венделл.

«Клянусь», — сказал Харви.

«Вот это здорово».

Такие разговоры разожгли свирепый голод, и по предложению Венделла они спустились по лестнице и побрели в Дом поесть.

«Что ты хочешь делать в полдень? — спросил Венделл, когда они уселись за стол. — Будет по-настоящему жарко. Всегда так».

«Мы тут где-нибудь можем поплавать?»

Венделл нахмурился. «Ну да... — сказал он с сомнением. — Тут есть озеро с другой стороны Дома, но тебе оно не особенно понравится».

«Почему?»

«Вода такая глубокая, что даже дна не увидишь».

«А там есть какая-нибудь рыба?»

«О, конечно».

«Может, мы наловим немного. Миссис Гриффин могла бы приготовить ее для нас».

При этих словах миссис Гриффин, которая стояла у плиты, нагромождая на блюдо луковые кольца, издала тихий вскрик и уронила блюдо. Она с посеревшим лицом повернулась к Харви.

«Ты не станешь этого делать», — сказала она.

«Почему? — ответил Харви. — Я думал, я могу делать все, что захочу».

«Да, конечно, можешь, — сказала она ему. — Но я не хочу, чтобы ты заболел. Рыба... ядовитая, видишь ли».

«Ох, — сказал Харви, — ну, может, мы ее вовсе не будем есть».

«Поглядите на этот беспорядок, — забормотала миссис Гриффин, суетясь, чтобы скрыть свое смущение. — Мне нужен новый фартук».

Она заторопилась прочь, чтобы достать его, и оставила Харви и Венделла, которые обменивались озадаченными взглядами.

«Теперь я по-настоящему хочу посмотреть на этих рыб», — сказал Харви.

Пока он говорил, вечно любопытная Клю Кэт вспрыгнула на стойку возле плиты и, прежде чем мальчики смогли остановить ее, положила лапы на одну из кастрюль.

«Эй, слезай!» — сказал ей Харви.

Кошка и не подумала выполнить приказание. Она забралась на край кастрюли, чтобы понюхать ее содержимое, причем хвост ее мелькал туда-сюда. В следующий момент произошло несчастье. Хвост танцевал слишком близко к включенной горелке и вспыхнул ярким пламенем. Клю Кэт взвыла и опрокинулась в кастрюлю, на которой громоздилась. Волна кипящей воды смыла ее с плиты, и кошка упала дымящимся комочком. То ли утопленная, то ли обваренная, то ли сожженная — но конец был един: она ударилась об пол мертвой.

Шум заставил миссис Гриффин заторопиться обратно.

«Думаю, мне лучше пойти и поесть снаружи», — сказал Венделл, когда старуха появилась в дверях. Он ухватил пару горячих сосисок и ушел.

«О Боже! — вскричала миссис Гриффин, когда взгляд ее натолкнулся на мертвую кошку. — О... ты, глупышка».

«Это был несчастный случай, — сказал Харви, почувствовавший дурноту от происшедшего. — Она забралась на плиту...»

«Глупышка, глупышка», — казалось, все, что миссис Гриффин была способна вымолвить. Она опустилась на колени и уставилась на печальный маленький комочек опаленного меха. «Никаких больше хлопот с тобой», — наконец пробормотала она.

От картины горя миссис Гриффин глаза Харви стало щипать, но он терпеть не мог, чтобы кто-то видел его плачущим, а потому сдержал изо всех сил слезы.

«Могу ли я помочь вам похоронить ее?», — самым своим грубым голосом спросил он.

Миссис Гриффин оглянулась. «Очень мило с твоей стороны, — мягко сказала она. — Но необходимости нет. Иди и играй».

«Я не хочу оставлять вас в одиночестве», — ответил Харви.

«Ох, посмотри на себя, дитя, — сказала миссис Гриффин. — У тебя на щеках слезы».

Харви вспыхнул и вытер щеки тыльной стороной ладони.

«Не стыдись плакать, — сказала миссис Гриффин. — Это прекрасная вещь. Хотела бы я суметь пролить хоть пару слезинок».

«Вы печальны, — сказал Харви. — Я вижу».

«То, что я чувствую, не совсем печаль, — ответила миссис Гриффин. — А это, боюсь, все же не слишком большое утешение».

«Что такое утешение?» — спросил Харви.

«Нечто, что смягчает, — ответила миссис Гриффин. — Нечто, что лечит боль в твоём сердце».

«А у вас ничего такого нет?»

«Нет, у меня нет, — сказала миссис Гриффин. Она протянула руку и прикоснулась к щеке Харви. — Кроме, может быть, этих твоих слез. Они утешают меня». Она вздохнула, проведя пальцами вдоль мокрых дорожек. «Твои слезы добры, дитя. И ты тоже добр. А теперь иди на свет и радуй себя. На ступенях лестницы солнце. И, поверь мне, оно будет не всегда».

«Вы уверены?»

«Уверена».

«Тогда увидимся попозже», — сказал Харви и направился наружу, в день.

5

Узники

Температура поднялась, пока Харви сидел за вторым завтраком. Дымка зноя колебалась над лужайкой (которая была сочнее и еще богаче цветами, чем он помнил), и это заставляло деревья вокруг Дома мерцать.

Он направился туда, выкликая Венделла по имени, пока шел. Ответа не было. Он оглянулся в сторону Дома, думая, что может увидеть Венделла в одном из окон, но все они отражали нетронутую голубизну. Он перевел взгляд на небеса. Не было ни облачка, куда ни посмотри.

И подозрение подкралось к нему, а потом выросло в уверенность, когда его взгляд перешел обратно к мерцающей рожице деревьев и к цветам под ногами. В течение часа, что провел он в прохладе кухни, время года переменялось. В Дом Каникул мистера Худа пришло лето: лето, такое же волшебное, как и весна, предшествовавшая ему.

Вот почему небо было безукоризненно синим и птицы создавали такую музыку. Увешанные листьями ветки деревьев были не менее довольны, и не менее довольны цветение в траве, не менее благостны пчелы, что жужжали, перелетая от цветка к цветку, собирая щедроты лета. Все блаженствовало.

Это время года не будет долгим, предположил Харви. Если весна кончилась за утро, тогда более чем вероятно, что это идеальное лето не продлится дольше дня.

Мне лучше взять побольше от него, подумал он, и заторопился искать Венделла. В конце концов он обнаружил своего друга сидящим в тени деревьев со стопкой комиксов под боком.

«Хочешь сесть почитать?» — спросил он.

«Может попозже, — сказал Харви. — Сначала мне бы хотелось пойти и взглянуть на озеро, о котором вы говорили. Ты собираешься пойти?»

«К чему? Я говорил тебе, это не интересно».

«Ладно, я пойду один».

«Ты там надолго не останешься», — заметил Венделл и вернулся к своему чтению.

Хотя Харви неплохо представлял, где в общем находится озеро, кусты на этой стороне Дома были густые и колючие, и у него заняло несколько минут, чтобы сквозь них пробраться. К тому времени, как он увидел само озеро, пот на его лице и спине стал липким, а руки были расцарапаны в кровь колючками.

Как и предсказывал Венделл, из-за озера беспокоиться не стоило. Оно было велико — настолько велико, что дальняя сторона его была едва видна, — но унылое и мрачное, и озеро, и темные камни вокруг него покрывала пленка зеленой слизи.

Легион мух жужжал вокруг в поисках чего-нибудь сгнившего, чтобы покормиться, и Харви рассудил, что им не приходится особенно хлопотать, разыскивая еду. Это было место, откуда родом мертвецы.

Он был готов уйти, когда взгляд его уловил движение в тени. Кто-то стоял дальше по берегу, почти заслоненный покровом чащи. Он подошел на несколько шагов ближе к озеру и теперь увидел, что это была Лулу. Она пристроилась на скользких камнях у самого края воды, уставившись в глубину.

Почти шепотом, из-за страха испугать ее, Харви сказал:

«Кажется, оно холодное».

Девочка подняла на него глаза, лицо ее окрасилось смущением, и затем, не сказав в ответ ни слова, она бросилась прочь через кусты.

«Погоди!» — окликнул ее Харви, торопясь в сторону озера.

Лулу, однако, уже исчезла, оставив сотрясающуюся чащобу. Он мог бы пуститься за ней в погоню, если бы звук лопающихся пузырей в озере не привлек его взгляда к воде и там он увидел двигавшихся прямо под пленкой пены рыб. Они были почти с него величиной, их серая чешуя испачкана и покрыта коркой, их выпученные глаза устремлены к поверхности, как глаза заключенных в водяной яме.

Они наблюдали за ним, Харви был уверен в этом, и их испытующие взгляды заставили его содрогнуться. Были ли они голодны, размышлял он, и молились своим рыбьим богам, чтобы он поскользнулся на камнях и свалился в воду? Или они желали, чтобы он пришел с удочкой и леской, так, чтобы можно было их вытянуть из глубин и избавить от жалкого положения?

Что за жизнь, подумал он. Без солнца, согревающего их, без цветов, чтобы нюхать, и без игр, в которые играют. Только глубина, темные воды, чтобы кружить, кружить, кружить, кружить.

Одно только смотрение довело его до головокружения, и он испугался, что если помедлит еще немного, то потеряет равновесие и присоединится к ним. Вздохнув с облегчением, он повернулся спиной к воде и возвратился туда, где сиял солнечный свет, так быстро, как позволяли колючки.

Венделл все еще сидел под деревом. В траве возле него лежали две бутылки холодного как лед лимонада, и когда Харви приблизился, он кинул ему одну.

«Ну?» — спросил он.

«Ты был прав», — ответил Харви.

«Никто в здравом уме никогда не пойдет туда».

«Я видел Лулу».

«Что я тебе говорил? — восторжествовал Венделл. — Никто в здравом уме».

«А эта рыба...»

«Ага, знаю, — сказал Венделл, строя рожи. — Уродливые соплюшки, да?»

«Зачем мистер Худ держит такую рыбу? Я имею в виду, все остальное так великолепно. Лужайки, Дом, фруктовый сад...»

«Какая разница?» — сказал Венделл.

«Мне есть разница. Я хочу знать все, что можно знать об этом месте».

«Зачем?»

«Чтобы я мог рассказать о нем своим Мама и Папе, когда вернусь домой».

«Домой? — сказал Венделл. — Кому это надо? Все, что нам надо, есть здесь».

«Мне бы все-таки хотелось знать, как все это действует. Есть ли здесь какая-нибудь машина, заставляющая времена года меняться?»

Венделл указал сквозь ветки на солнце. «Это тебе кажется механическим? — спросил он. — Не будь остолопом Харви. Это все реально. Это волшебство, но это реально».

«Ты так думаешь?»

«Слишком жарко, чтобы думать, — ответил Венделл. — Теперь садись и заткнись. — Он швырнул несколько комиксов в сторону Харви. — Просмотри эти. Найди себе чудовище для сегодняшней ночи».

«А что произойдет ночью?»

«Хэллоуин, конечно, — ответил Венделл. — Он происходит каждую ночь».

Харви плюхнулся рядом с Венделлом, открыл свою бутылку лимонада и начал листать комиксы, размышляя, пока листал и потягивал лимонад, что может Венделл прав и сейчас слишком жарко, чтобы думать. Как бы это чудесное место ни действовало, оно казалось достаточно реальным. Солнце было жарким, лимонад холодным, небо голубым, трава зеленой. Чего еще он желал знать?

Где-то в середине этих размышлений он, должно быть, задремал, потому что проснулся, вздрогнув, и обнаружил, что солнце больше не расцветивает землю пятнами вокруг него и Венделл больше не читает рядом.

Он потянулся за лимонадом, но бутылка упала и сладкий запах привлек сотни муравьев. Они заползли на нее, многие утонули из-за своей жадности.

Когда Харви поднялся на ноги, подул первый с полудня настоящий ветер и лист с увядшими краями, кружась, опустился на землю к его ногам.

«Осень...» — пробормотал он себе под нос.

До этого момента, когда он стоял под трещащими ветками и наблюдал, как ветер стрясает листья с деревьев, осень всегда казалась ему печальнейшим из времен года. Это означало, что лето завершилось и ночи будут становиться длиннее и холоднее. Но теперь, когда мелкий дождик листьев стал потоком, стук желудей и каштанов барабанным боем, он рассмеялся, видя и слыша ее приход. К тому времени, как он вышел из-под деревьев, у него в волосах и на спине были листья, листья лежали и под ногами и он подбрасывал их с каждым торопливым шагом.

Когда он подошел к крыльцу, первые облака, которые он видел за весь день, напозли на солнце, и их тень делала Дом, который колебался как мираж, неожиданно расплывчатым,

темным и солидным.

«Ты реален, — сказал Харви, когда, переводя дыхание, стоял на крыльце. — Ты реален, да?»

Он начал смеяться над глупостью разговора с Домом, но улыбка исчезла с лица, когда голос, столь мягкий, что он едва ли был уверен, что вообще слышал его, сказал:

«О чем ты думаешь, дитя?»

Он поискал говорившего, но на пороге никого не было, и на крыльце тоже, и на ступенях за ним.

«Кто это сказал?» — требовательно спросил Харви.

Ответа не было, что его обрадовало. Это вовсе не было голосом, сказал он себе. Это был треск досок под ногами или шуршание сухих листьев в траве. Но он вступил в Дом с сердцем, бьющимся немного быстрее, вспоминая, пока шел, те вопросы, которые здесь не одобряли.

Какая разница, в любом случае, подумал он, было ли это реальным местом или сном? Оно ощущалось как реальное — и это все, что имеет значение.

Удовлетворенный, он поспешил через Дом на кухню, где миссис Гриффин отягощала стол угощением.

6

Видимый и невидимый

«Ну, — сказал Венделл, пока они ели, — кем ты собираешься быть сегодня ночью?»

«Не знаю, — ответил Харви. — А кем собираешься быть ты?»

«Палачом, — сказал тот с улыбкой, похожей на спагетти. — Я научился завязывать петли. Теперь все, что я должен сделать, — отыскать, кого бы повесить!» Он пристально посмотрел на миссис Гриффин. «Это быстро, — сказал он. — Ты просто роняешь их и — крак! — шея у них переломана!»

«Это ужасно! — сказала миссис Гриффин. — Почему мальчики всегда любят говорить о призраках, убийствах и повешенных?»

«Потому что это возбуждает», — ответил Венделл.

«Вы чудовища, — произнесла она с намеком на улыбку. — Вот вы кто. Чудовища».

«Харви — чудовище, — сказал Венделл. — Я видел, как он оттачивал зубы».

«Луна полная? — спросил Харви, размазывая кетчуп вокруг рта и судорожно растягивая рот. — Я надеюсь на это, мне нужна кровь... свежая кровь».

«Здорово, — сказал Венделл. — Ты можешь быть вампиром. Я повешу их, а ты можешь высосать у них кровь».

Возможно, Дом услышал, что Харви хотел полнолуние, потому что, когда они с Венделлом

потаскились наверх и выглянули из окна на лестничной площадке, там — висящая среди голых ветвей — была луна, такая широкая и белая, как улыбка мертвеца.

«Посмотри на нее! — сказал Харви. — Я могу разглядеть каждый кратер. Она безукоризненна».

«О, это только начало», — пообещал Венделл и повел Харви в большую затхлую комнату, которая была наполнена одеждой всевозможного вида. Одежда висела на крючках и плечиках. Одежда лежала в корзинках, как актерские костюмы. Еще больше было навалено кучей в дальнем конце комнаты на пыльном полу. И до тех пор, пока Венделл не расчистил дорогу, полускрытым был вид, который заставил Харви ахнуть: стена, покрытая от пола до потолка масками.

«Откуда они все появились?» — спросил Харви, изумленно раскрыв рот от такого зрелища.

«Мистер Худ собирает их, — объявил Венделл. — А одежда просто тот хлам, который оставляют после себя дети, которые были здесь в гостях».

Харви не интересовался одеждой, его загипнотизировали маски. Они были как снежинки: ни одной одинаковой. Некоторые из дерева и из пластика, некоторые из соломы, из материи и папье-маше. Некоторые яркие, как попугаи, другие бледные, как пергамент. Некоторые были так нелепы, что он был уверен, что они были вырезаны сумасшедшими, другие столь совершенны, что выглядели как посмертные маски ангелов. Тут были маски клоунов и лис, маски как черепа, украшенные настоящими зубами, а одна — пламенем, вырезанным вместо зубов.

«Давай, выбирай, — сказал Венделл. — Тут где-то обязан быть вампир. Чего бы я ни хотел здесь отыскать, я находил рано или поздно».

Харви решил оставить удовольствие выбора маски на самый конец и вместо этого сосредоточился на раскапывании чего-то достаточно похожего на летучую мышь, чтобы это надеть. Когда он копался в стопках одежды, он обнаружил, что размышляет о детях, которые оставили ее здесь. Хотя он всегда ненавидел уроки истории, он знал, что некоторые куртки, туфли, рубашки и пояса вышли из моды много-много лет тому назад. Где были их владельцы теперь? Умерли, предположил он, или так стары, что это уже неважно.

Мысль об одеяниях, принадлежавших мертвым детям, вызвала легкий озноб у него на спине. Но как иначе? В конце концов это был Хэллоуин, а что за Хэллоуин без приступа дрожи?

После нескольких минут поиска он обнаружил длинное черное пальто с воротником, который он мог поднять, пальто, названное Венделлом вампирическим. Вполне удовлетворенный своим выбором, он пошел обратно к стене лиц и его взгляд почти немедленно упал на маску, которую он раньше не видел, — с бледностью и глубоко запавшими глазницами души, только что поднявшейся из могилы. Он взял ее и надел. Она подходила идеально.

«На что я похож?» — спросил Харви, поворачивая лицо к Венделлу, отыскавшему маску палача, которая подошла ему так же хорошо.

«Страшен как смертный грех».

«Порядок».

Когда они вышли наружу, на крыльце выстроилось в линию семейство поблескивающих тыквенных голов и туманный воздух пах древесным дымом.

«Куда мы отправимся играть в „обмани-напугай“, — хотел знать Харви. — На улицу?»

«Нет, — сказал Венделл, — в наружном мире Хэллоуина нет, помнишь? Мы собираемся идти вокруг задней части Дома».

«Не слишком далеко», — разочарованно заметил Харви.

«В такое время ночи, — вкрадчиво сказал Венделл, — Дом полон сюрпризов. Увидишь».

Харви посмотрел на Дом через крошечные прорези своей маски. Тот неясно вырисовывался большой, как грозовая туча, со своим флюгером, достаточно острым, чтобы оцарапать звезды.

«Пошли, — сказал Венделл, — у нас впереди долгое путешествие».

Долгое путешествие? Харви подумал, как может быть долгой дорога от передней двери Дома до его задворков. Но вновь Венделл оказался прав: Дом был полон сюрпризов. Путь, при свете дня занявший бы не более двух минут, скоро превратился в петляющую дорогу, и Харви пожалел, что не взял с собой фонарь и карту. Листья шуршали под ногами так, будто в них кишели змеи, деревья, днем дававшие тень, теперь выглядели пугающе в своей голизне, мрачные и голодные.

«Зачем я это делаю? — спрашивал он себя, пока следовал за Венделлом во тьме. — Я замерз и чувствую себя неудобно». (Он мог бы добавить испуган, но оставил эту мысль невысказанной).

Когда он собрался предложить повернуть обратно, Венделл указал вверх и прошипел:

«Смотри!»

Харви посмотрел. Прямо над головой в небе тихо двигалась фигура, как будто только что слетевшая с карниза Дома. Луна крадучись ушла за крышу и не бросала света на ночного летуна, так что Харви мог предположить его форму по звездам, которые тот затемнял, пока парил. Крылья его были широки, но лохматы — слишком лохматы, чтобы нести его, подумал Харви. Он казалось вцеплялся в темноту, пока двигался, как будто полз в самом воздухе.

Видение было мимолетным. Затем оно пропало.

«Что это было?» — прошептал он.

Он не получил ответа. В то мгновение, когда он принялся разглядывать небо, Венделл исчез.

«Венделл, — шепнул Харви. — Где ты?»

Ответа все еще не было. Только скольжение в листьях и стон голодных веток.

«Я знаю, что ты делаешь, — сказал Харви на этот раз громче. — Ты меня просто не испугаешь. Слышишь?»

На этот раз пришел особый ответ. Не слова, а треск откуда-то с деревьев.

Он забирается в дом на дереве, подумал Харви и, решив поймать Венделла и в свою очередь напугать его, направился в сторону, откуда раздался звук.

Несмотря на обнаженность ветвей, их густота почти полностью удерживала мерцание звездного света от падения на рошу. Харви спустил маску на шею, чтобы видеть получше, но даже тогда он был почти слепым и, чтобы ориентироваться, должен был прислушиваться к тому, как Венделл взбирается на дерево. Он все еще достаточно легко мог слышать треск. И

спотыкаясь пошел в ту сторону, вытянув вперед руки, чтобы схватится за лестницу, когда к ней подойдет.

Теперь звук раздавался так громко, что Харви был уверен, что стоит под деревом. Он посмотрел вверх, надеясь хоть мельком увидеть ловкача, но когда он сделал это, что-то коснулось его лица. Он вцепился в это, но оно исчезло, по крайней мере на мгновение. Затем вновь вернулось, задев его другую бровь. Харви вцепился опять, затем, когда это вновь коснулось его, он это поймал. «Поймал тебя!» — воскликнул он.

За его победным воплем последовало стремительное движение воздуха и звук чего-то рухнувшего рядом на землю. Он отпрыгнул, но не выпустил то, что держал. «Венделл?» — позвал он.

В качестве ответа в темноте позади него вспыхнуло пламя, и фейерверк взорвался ливнем зеленых вспышек, и их свет высветил омертвелую рощу.

При мерцающем свете Харви увидел, что держал, и, увидев, издал панический всхлип, подняв ворон с их постелей над его головой.

Он слышал скрип не лестницы, это была веревка. Нет, даже не веревка, петля. И в его руке была нога человека, свисающего с петли. Он выпустил ногу и спотыкаясь двинулся назад, едва подавив второй всхлип, когда глаза его встретили взгляд мертвеца. Судя по всему, он умер ужасно. Язык свисал с покрытых пеной губ, вены были столь раздуты от крови, что голова походила на тыкву. Или так, или это и была тыква.

Взлетел фонтан нового фейерверка, и Харви понял суть дела. Нога, которую он держал, была набитой штаниной брюк, тело — пальто, откуда сыпалась скомканная одежда, а голова маской из тыквы, с кремом вместо слюны и яйцами вместо глаз.

«Венделл!» — завопил он, поворачиваясь спиной к сцене казни.

Венделл стоял по другую сторону фейерверка, его ухмылка от уха до уха освещалась плюющимися вспышками. Он выглядел как маленький демон, только что из преисподней. Сбоку от него лестница, которая с треском повалилась, чтобы сделать спектакль убедительней.

«Я тебя предупреждал! — сказал Венделл сдирая свою маску. — Ведь я говорил, что собираюсь сегодня ночью быть палачом!»

«Я отквитаюсь! — сказал Харви, сердце его еще билось слишком сильно, чтобы он мог увидеть смешную сторону происшедшего. — Я клянусь... Я отквитаюсь!»

«Можешь попробовать!» — ликовал Венделл. Фейерверк уже выдыхался, тени вокруг них начали вновь углубляться. «Достаточно Хэллоуина на сегодня?» — спросил он.

Харви не слишком любил признавать поражение, но угрюмо кивнул, поклявшись себе, что он в конце концов возьмет реванш.

«Улыбнись, — сказал Венделл, когда фонтан вспышек истощился. — Мы в Доме Каникул».

Свет почти потух. И хотя Харви и злился на Венделла (а заодно на себя, за то что оказался таким сосунком), он не мог позволить, чтобы это осталось без примирения.

«Все в порядке, — сказал он, позволив себе тень улыбки. — Будут другие ночи».

«Всегда», — отозвался Венделл. Ответ доставил ему удовольствие. «Вот какое это место, — сказал он, когда свет исчез. — Это Дом Всегда».

Подарок из прошлого

Когда они вернулись обратно в Дом, их ожидал ужин Праздничного Костра.

«Вы выглядите так, будто побывали на войне, — заметила миссис Гриффин, внимательно посмотрев на Харви. — Опять Венделл со своими фокусами?»

Харви честно признал, что попался на все из них, но что один поразил его в особенности.

«Какой? — спросил Венделл с самодовольной улыбкой. — Фокус с упавшей лестницей? Это был маленький удачный штрих, не так ли?»

«Нет, не лестница», — сказал Харви.

«А что тогда?»

«Штука в небе».

«О, это...»

«Что это? Воздушный змей?»

«Это не моих рук дело», — ответил Венделл.

«А что это тогда?»

«Не знаю, — сказал Венделл. Его улыбка исчезла. — Лучше не спрашивать, а?»

«Но я хочу знать, — настаивал Харви, повернувшись к миссис Гриффин. — Я думаю, она слетела с крыши».

«Тогда это была летучая мышь», — сказала миссис Гриффин.

«Нет, в сотни раз больше, чем летучая мышь. — Он раскинул руки. — Огромные темные крылья».

Миссис Гриффин нахмурилась, слушая Харви. «Тебе показалось», — сказала она.

«Нет», — запротестовал Харви.

«Почему бы тебе просто не сесть и не поесть? — спросила миссис Гриффин. — Если это не летучая мышь, тогда этого не было вовсе».

«Но Венделл тоже видел. Разве не так, Венделл?»

Он оглянулся на мальчика, который ковырял в тарелке с дымящейся индюшатиной под клюквенным соусом.

«Какая разница?» — сказал Венделл, жуя.

«Просто скажи ей, что ты видел».

Венделл пожал плечами. «Может, видел, может, нет. Это ночь Хэллоуина. Снаружи и должны

быть ряженые».

«Но не настоящие, — сказал Харви. — Обман — это одно. Но если чудовище было настоящим...»

Пока он говорил, он понял, что нарушает правило, которое он сформулировал на крыльце: не важно, было ли крылатое создание настоящим или нет. Это место миражей. Не будет ли он счастливее, если просто прекратит спрашивать, что реально, а что нет.

«Садись и ешь», — повторила миссис Гриффин.

Харви покачал головой. Аппетит у него пропал. Он был зол, хотя не вполне понимал на кого. Может, на Венделла из-за его пожатий плечами, может, на миссис Гриффин из-за того, что она не верит ему, или на себя за то, что боится иллюзий. Может, и на всех троих.

«Я собираюсь в свою комнату переодеться», — сказал он и ушел из кухни.

Он обнаружил Лулу на площадке между этажами. Она смотрела в окно. Ветер ударял в стекло, напоминая Харви о первом визите Риктуса. Однако порывы ветра приносили не дождь, а снежную крупу.

«Скоро Рождество», — сказала она.

«Рождество?».

«Будут подарки для всех. Всегда бывают. Тебе надо пожелать чего-нибудь».

«Ты этим сейчас занимаешься?»

Она покачала головой. «Нет, — сказала она. — Я здесь уже так долго, что у меня есть все, что я когда-либо желала. Хочешь поглядеть?»

Харви сказал, что да, и она повела его наверх в свою замечательную комнату, заполненную сокровищами.

Она явно обожала шкатулки, огромные резные шкатулки. Шкатулка для коллекции стеклянных шариков, шкатулка, играющая мелодию, вызываемую колокольчиками, шкатулка, куда входило полсотни других, меньших шкатулок.

Еще у нее было несколько кукольных семей, которые с отсутствующими лицами рядами сидели вдоль стен. Но все же самое большое впечатление производил дом, откуда куклы были изгнаны. Он стоял посередине комнаты, пять футов в высоту от ступеней до верхушки, безукоризненный в каждом кирпиче, подоконнике, черепице.

«Тут я держу своих друзей», — сказала Лулу и открыла переднюю дверь.

Две ярко-зеленые ящерицы вышли поприветствовать ее и поспешно взобрались по рукам на плечи.

«Остальные внутри, — сказала она. — Взгляни».

Харви заглянул в окна и обнаружил, что каждая идеальная комнатка дома была занята. Ящерицы лежали на кроватях, ящерицы подремывали в ваннах, ящерицы раскачивались на люстрах. Он громко засмеялся, глядя на их ужимки.

«Разве не забавные?» — спросила Лулу.

«Изумительно!» — ответил он.

«Ты можешь приходить и играть с ними, когда захочешь».

«Спасибо».

«Они действительно очень дружелюбные. Кусаются только, когда голодные. Вот...»

Она сняла одну со своего плеча и сунула в руки Харви.

Та проворно побежала наверх и устроилась у него на голове, к большой радости Лулу.

Они долго наслаждались обществом ящериц и друг друга, пока Харви не заметил свое отражение в одном из окон и не вспомнил, в каком он виде.

«Мне лучше пойти и умыться, — сказал он. — Увидимся позже».

Она улыбнулась ему. «Ты мне нравишься, Харви Свик», — сказала она.

Ее прямога встретила ответную прямогу. «Ты мне тоже нравишься, — сказал он ей. Затем с омрачившимся лицом он добавил: — Мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-нибудь случилось».

Она выглядела озадаченной.

«Я видел тебя у озера», — пояснил сн.

«Да? — ответила она. — Я не помню».

«Ну, в любом случае, оно глубокое. Тебе надо быть осторожнее. Ты можешь поскользнуться и упасть в воду».

«Я буду осторожна, — сказала она и открыла дверь. — О, да, Харви...»

«Да?»

«Не забудь пожелать чего-нибудь».

Чего мне попросить, размышлял он, смывая грязь с лица. Может, чего-нибудь невозможного, чтобы посмотреть, насколько сильно волшебство Дома. Белого тигра, например. Цеппелин в натуральную величину? Билет на Луну?

Ответ пришел из глубины его памяти. Он пожелал подарок, который был подарен (и потерян) много лет назад, подарок, который сделал ему отец и который мистер Худ, как бы сильно он ни хотел ублажить своего нового гостя, никогда не будет в силах воспроизвести.

«Ковчег», — прошептал он.

С умытым лицом, с царапинами от колючей изгороди, имеющими вид боевых ран, он направился вниз, чтобы опять обнаружить — Дом претерпел необыкновенное превращение. Рождественская елка — столь высокая, что звезда на ее верхушке вонзалась в потолок, — стояла в холле, свет ее мерцающих огней просачивался в каждую комнату. В воздухе витал аромат шоколада и звуки распеваемых веселых песен. В гостиной возле режущего очага сидела миссис Гриффин со Стью Кэт на коленях.

«Венделл пошел на улицу, — сказала она Харви. — Шарф и перчатки для тебя у входной

двери».

Харви вышел на крыльцо. Ветер был ледяной, но он уже разогнал снежные тучи и дал возможность звездам светить на идеальный белый ковер.

Нет, не совсем идеальный. Цепочка следов уводила от Дома к месту, где Венделл лепил снеговика.

«Вышел погулять?» — закричал он Харви голосом чистым, как колокола, что звенят в хрустящем воздухе.

Харви покачал головой. Он так устал, что даже снег выглядел успокаивающим.

«Может, завтра, — сказал он. — Завтра опять будет, да?»

«Конечно, — завопил Венделл. — И завтрашней ночью, и послезавтрашней...»

Харви пошел обратно в Дом, чтобы посмотреть на елку. Ее ветви были увешаны нитями из воздушной кукурузы. И мишурой. И цветными лампочками. И безделушками. И солдатиками в сверкающих серебром мундирах.

«Тут, под елкой, есть кое-что для тебя, — сказала миссис Гриффин, стоя в дверях гостиной. — Надеюсь, это то, что ты хочешь».

Харви опустился на колени и вытянул из-под дерева сверток со своим именем. Пульс его убыстрился даже до того, как он развернул бумагу, потому что он знал и по форме, и по тому, как сверток гремел, что его желание исполнено. Он потянул за веревочку, вспоминая, насколько меньше были его руки, когда в первый раз он держал свой подарок. Когда обертка была сорвана и отброшена, в руках у него оказался новый и сияющий, выкрашенный краской деревянный ковчег.

Этот был безупречной копией того, который сделал отец. Тот же самый желтый корпус, тот же самый оранжевый нос, та же рубка с отверстиями на красной крыше, чтобы жирафы могли вытягивать свои шеи. Те же оловянные животные, всяких по паре, ютящиеся в трюме или смотрящие через иллюминаторы: две собаки, два слона, два верблюда, две голубки, эти да еще дюжиной больше. И наконец, тот же самый маленький Ной с широкой белой бородой и его толстая жена, обвязанная фартуком.

«Как он узнал?» — пробормотал Харви.

Он не имел намерения задавать вопрос вслух (потому что не хотел, чтобы его услышали, тем более; ответили), но миссис Гриффин сказала:

«Мистер Худ знает каждую твою мечту».

«Но он точно как прежний, — в изумлении произнес Харви. — Поглядите, мой Папа израсходовал всю синюю краску, когда заканчивал слонов, поэтому у одного из них синие глаза, а у другого зеленые. У этого тоже. Он тот самый и есть».

«Но все же он тебе нравится?» — спросила миссис Гриффин.

Харви сказал, что да, но это было не совсем правдой. Вновь держать в своих руках ковчег, когда он знал, что настоящий потерян, было жутко, как будто время повернулось на своих каблуках и он вновь стал малышом.

Он услышал, как Венделл топает у входной двери, отряхивая снег с ботинок, и внезапно застеснялся держать столь детский подарок в руках. Он опять прикрыл его оберткой и

заторопился к лестнице, намереваясь отправиться вниз, чтобы чем-нибудь поужинать.

Но кровать его выглядела такой манящей, чтобы ею можно было пренебречь, а желудок достаточно полным, поэтому он остался в комнате, занавесил шторами ветреную ночь за окном и положил голову на подушку.

Рождественские колокола все еще звенели на какой-то отдаленной колокольне, и их трезвон убаюкал его. Ему снилось, что он стоит на ступенях своего дома и заглядывает через открытую дверь в его теплое нутро. Затем ветер подхватил его, развернул от порога и унес в сон без сновидений.

8

Голодные воды

Тот первый день в Доме Каникул, со всеми его временами года и представлениями, стал образцом для многих других, которые должны были последовать.

Когда Харви проснулся на следующее утро, солнечные лучи опять просачивались в щель между занавесками, но на этот раз солнце лежало теплым озерцом на подушке возле него. Он сел, выкрикнув и улыбнувшись, веселые возгласы и улыбки (а иногда и то и другое вместе) оставались на его губах до конца дня.

Дел было много. Трудиться над древесным домом весенним утром, затем поесть и бесцельно валяться днем. Игры и часы лени в летний зной — иногда с Венделлом, иногда с Лулу, затем приключения при свете полной луны. И наконец, когда зимний ветер выдувал пламя из тыквенных голов и покрывал землю снегом, зябкие забавы на морозе для всех них и теплое радушие Рождества, когда они заканчивали с делами.

Это были дни Каникул: третий такой же прекрасный, как и второй, и четвертый, такой же прекрасный, как третий. И очень скоро Харви начал забывать, что за стеной находится скучный мир, где огромный серый зверь Февраль все еще спал своим утомительным сном.

Единственным реальным напоминанием об оставленной им жизни — кроме второго телефонного звонка Маме и Папе, только чтобы сказать им, что все прекрасно — был подарок, который он пожелал и получил в то первое Рождество: его ковчег. Харви несколько раз думал об испытаниях на озере, чтобы посмотреть, будет ли ковчег плавать, но собрался сделать это только в полдень седьмого дня.

Венделл за завтраком вел себя как настоящий обжора и заявил, что сегодня слишком жарко, чтобы играть, поэтому Харви с ковчегом под мышкой побрел к озеру самостоятельно. Он ожидал — по-настоящему надеялся — найти там Лулу, которая бы составила ему компанию, но берега озера были пусты.

Как только взгляд его упал на мрачные воды, он почти отбросил мысль об испытаниях, но это означало признаться себе кое в чем, в чем он не желал признаваться, а потому он спустился к берегу, отыскал камень, который выглядел ненадежнее, устроился на нем и опустил ковчег на воду.

Тот плавал хорошо, и Харви приятно было это видеть. Он немного потаскал его туда-сюда, затем вытащил и заглянул внутрь, чтобы посмотреть, нет ли течи. Ковчег был водонепроницаем. И Харви пустил его обратно в озеро и подтолкнул.

Когда он делал это, то неожиданно заметил рыбу, поднывающую со дна озера с широко открытой пастью, будто намеревавшуюся проглотить его небольшое судно целиком. Харви потянулся вперед, чтобы схватить ковчег, до того как тот либо утонет, либо будет проглочен, но в спешке поскользнулся на гладком, покрытом слизью камне и с криком упал в озеро.

Вода была ледяной и жадной. Она быстро сомкнулась над его головой. Харви неистово барахтался, стараясь не думать о темной глубине внизу. Подняв лицо к поверхности, он поплыл.

Он видел, как его ковчег кружит над ним, подхваченный его падением. Оловянные пассажиры уже тонули. Харви даже не пробовал спасти их, а поднялся к поверхности — хватая ртом воздух — и зашлепал в сторону берега. Расстояние было небольшое. Меньше чем через минуту он вытянул себя на камни и пополз от берега. Вода лилась из его рукавов, из штанов и ботинок. Только когда он оказался на достаточном расстоянии от берега и никакая голодная рыба не могла ухватить его за пятки, только тогда он рухнул на землю.

Хотя была середина лета, и солнце ослепительно сверкало где-то над головой, воздух вокруг озера был холоден и Харви скоро начал дрожать. Прежде чем он ушел прочь, на солнцепек, он все же поискал глазами свой ковчег. Место кораблекрушения было помечено флотилией жалких обломков, которые скоро присоединятся к останкам ковчега на дне.

От рыбы, что, казалось, хотела сожрать его, не осталось и следа. Возможно, она нырнула в глубину, чтобы сжевать потонувший зверинец. Если так, Харви надеялся, что фигурки застрянут у нее в глотке.

До этого он потерял много игрушек. У него был новый, самой лучшей марки велосипед — самая любимая вещь! — его украли от порога дома два года назад. Но нынешняя потеря расстроила его так же сильно. Нет, если говорить по правде, сильнее. Мысль, что озеро владеет чем-то, чем прежде владел он, была почему-то еще мучительнее мысли об угнанном велосипеде. У вора были теплые плоть и кровь, у озера не было. Его собственность ушла в места ночных кошмаров, полные чудовищных тварей, и Харви чувствовал себя так, будто малая часть его канула вместе с ней, вниз, во тьму.

Не оглядываясь, он пошел прочь от озера, но ветерок, что налетал, согревая его лицо, когда он продирался сквозь заросли, и песни птиц, улаждавшие слух, опять возвращали его к мысли, которую он пытался отбросить, уходя от берега. Несмотря на все развлечения, с готовностью предоставляемые Домом Каникул, место это было населено призраками, и как бы сильно он ни старался отогнать свои сомнения и вопросы, на них нельзя было совсем не обращать внимания. Кем бы ни был или чем бы ни был этот призрак, Харви теперь не мог успокоиться, пока не увидит его лица и не узнает его природы.

9

О чем ты мечтаешь?

Харви не рассказал о том, что произошло у озера, даже Лулу — отчасти потому, что чувствовал себя глупо из-за падения в воду, отчасти потому, что Дом так сильно старался доставить ему удовольствие в последующие дни, и он почти совсем забыл о происшедшем. В ту же самую ночь он обнаружил у основания Рождественской елки цветную нитку с ярлычком, на котором было написано его имя, и держась за нее, он прошел через весь Дом и увидел, что новый велик — даже более роскошный, чем тот, который пропал два года назад, — ожидает его.

Но это был лишь первый из многих сюрпризов, подстроенных Домом Каникул в самом ближайшем будущем. Например, когда однажды утром Венделл и Харви вскарабкались к древесному дому, ветки вокруг него кишели попугаями и обезьянами. На другой день, в середине ужина Прощального Костра, миссис Гриффин позвала их в гостиную, там языки пламени в камине принимали очертания драконов и героев и разыгрывали яростную битву. А в зное одного ленивого полдня Харви был разбужен от дремоты хором громких голосов и обнаружил труппу механических акробатов, совершающих на лужайке невозможные для механических существ подвиги.

Однако величайший сюрприз был связан с появлением одного из ближайших родственников Риктуса.

«Меня зовут Джайв», — сказал он, шагнув из ранних сумерек, сгущавшихся на верхних ступеньках лестницы. Каждый мускул его тела как будто двигался: тик, подергиванье туда-сюда и нервное подрагивание так истончали его, что он едва ли отбрасывал тень. Даже его волосы, копна засаленных кудрей, казалось, слушают какой-то сумасшедший ритм. Они извивались на голове в спутанном неистовстве.

«Братец Риктус послал меня посмотреть, как у тебя дела», — сказал он сочным голосом.

«Дела превосходно, — ответил Харви. — Ты сказал Братец Риктус?»

«Мы одного выводка, если взглянуть пошире, — сказал Джайв. — Надеюсь, время от времени ты звонишь своим родителям».

«Ага, — подтвердил Харви. — Я звонил им вчера».

«Им тебя не хватает?»

«Мне так не показалось».

«А тебе их не хватает?»

Харви пожал плечами. «Не совсем», — сказал он.

(Это не было, строго говоря, правдой — у него бывали дни тоски по дому, — но он знал, что если вернется домой, то на следующий же день окажется в школе, и желал остаться в Доме Каникул еще ненадолго).

«Значит, ты собираешься использовать наилучшим образом пребывание здесь?» — спросил Джайв, упражняясь в замысловатом коротком танцевальном шажке вниз и вверх по лестнице.

«Ага, — сказал Харви. — Я просто хочу поразвлечься».

«Кто не хочет, — ухмыльнулся Джайв. — Кто не хочет». Он подошел бочком к Харви и шепнул: «Говоря о развлечении...»

«Что?» — переспросил Харви.

«Ты ведь не отплатил Венделлу за его проделку».

«Нет, не отплатил», — сказал Харви.

«Ну и какого дьявола?»

«Я совсем не мог придумать как».

«О, я уверен, вдвоем мы могли бы кое-что сварганить», — с озорством ответил Джайв.

«Это должно быть такое, о чем бы он никогда не догадался», — сказал Харви.

«Это нетрудно, — сказал Джайв. — Скажи мне, какое твое любимое чудовище?»

Харви не нужно было долго размышлять. «Вампир, — сказал он с ухмылкой. — Я нашел тут замечательную маску...»

«Маски — хорошее начало, — согласился Джайв. — Но вампиры должны выныривать из мглы... — он раскинул руки, изгибая свои длинные пальцы словно когти какого-то выцарапывающего глаза зверя, — налетать, хватать свою добычу, затем опять подниматься вверх, вверх, к луне. Теперь я могу представить».

«Я тоже, — ответил Харви. — Но я не летучая мышь».

«Да?»

«Как же мне налетать?»

«О, — сказал Джайв. — Над этим для нас потрудится Марр. Кроме прочего, что за Хэллоуин без пары превращений?» Он сверился с огромными дедовскими часами, стоявшими поблизости. «У нас есть еще время заняться этим сегодня ночью. Ты пойдешь вниз и скажешь Венделлу, что вы встретитесь снаружи. Я поднимусь на крышу и найду Марр. Ты найдешь нас там».

«Я никогда не был на крыше».

«На верхнем этаже есть дверь. Увидимся через несколько минут».

«Я должен надеть свою маску, пальто и разные другие шмотки».

«Сегодня тебе маска не понадобится, — сказал Джайв. — Поверь мне. Теперь поторопись. Время проходит попусту».

У Харви ушло только минута или две на то, чтобы уговорить Венделла пойти вперед. Он был уверен, что Венделл что-то подозревает и даже, возможно, готовит контратаку, но Харви знал, что у него и у Джайва есть в запасе кое-что, чего Венделл — каким бы он ни был специалистом по всяким розыгрышам — не может предвидеть. Разработав первую часть плана, он заторопился вверх по лестнице, нашел упомянутую Джайвом дверь и выбрался на крышу.

Он никогда не боялся высоты: ему нравилось глядеть на мир сверху вниз.

«Сюда!» — позвал Джайв, и Харви поскакал по узким переходам и вверх по крутым скатам крыши туда, где стоял его сотоварищ-заговорщик.

«Хорошо держишься на ногах!» — заметил Джайв.

«Никаких проблем».

«Как насчет полетов?» — поинтересовался третий голос, и его обладательница шагнула из тени дымовой трубы.

«Это Марр, — сказал Джайв. — Еще одна из нашего небольшого семейства».

В отличие от Джайва, который выглядел достаточно проворным, чтобы путешествовать по карнизам, если его обуяет такой каприз, Марр, казалось, имела улиточку крови. Харви почти

не удивился, если бы увидел, что пальцы ее оставляют серебристые следы на кирпичках, к которым она прикасалась, или что мягкие рожки возникают из ее лысеющей головы. Она была чрезвычайно жирна, ее плоть едва держалась на костях. Где бы та ни была — вокруг рта и глаз, на шее и на запястьях, — плоть собиралась в липкие складки. Марр потянулась вперед и пихнула Харви.

«Я сказала: как насчет полетов?»

«Насчет — что?» — спросил Харви, отталкивая ее руку.

«Часто летал?»

«Однажды я летал во Флориду».

«Она не имеет в виду самолет», — сказал ему Джайв.

«Ох...»

«Во сне может быть?» — спросила Марр.

«О, да, мне снились полеты».

«Это хорошо», — ответила Марр, довольно ухмыляясь. У нее во рту не было ни единого зуба.

Харви с отвращением уставился на ее пустую челюсть.

«Ты думаешь, куда они делись, да? — спросила Марр. — Ну же. Признайся».

Харви пожал плечами. «Ну, думаю».

«Карна забрал их, вороватая тварь. У меня были отличные зубы. Прекрасные зубы».

«Кто это — Карна?» — хотел знать Харви.

«Неважно, — сказал Джайв, шикнув на Марр прежде, чем она смогла ответить. — Принимайся за дело или он упустит время».

Марр едва слышно пробормотала что-то, затем сказала:

«Подойди ко мне, мальчик». И протянула руку в сторону Харви. Ее прикосновение было ледяным.

«Чувствуешь себя странно, а? — сказал Джайв, когда пальцы Марр поплыли над лицом Харви, прикасаясь к нему тут и там. — Не волнуйся. Она знает, что делает».

«А что это?»

«Превращает тебя».

«Во что?»

«Ты говори ей, — сказал Джайв. — Это долго не продлится, поэтому наслаждайся. Продолжай, говори ей о том, как быть вампиром».

«Это то, что я хотел, чтобы увидел Венделл», — сказал Харви.

«Вампир...» — мягко выговорила Марр, и пальцы ее вдавились сильнее в его кожу.

«Ага, я хочу иметь клыки как у волка, красную глотку и белую кожу, как если бы я был мертвым тысячу лет».

«Две тысячи!» — поправил Джайв.

«Десять тысяч! — выкрикнул Харви, начиная забавляться игрой. — И безумные глаза, которые могут видеть в темноте, и заостренные уши, как у летучей мыши...»

«Погоди, — сказала Марр. — Я должна сделать все правильно».

Пальцы ее теперь работали над ним упорно, как будто плоть его была глиной и она формовала ее. Лицо пощипывало, и Харви хотелось прикоснуться к нему, но он боялся испортить творение ее рук.

«А здесь должен быть мех, — заметил Джайв. — Лоснящийся черный мех на шее...»

Руки Марр слегка притронулись к горлу, и Харви почувствовал, как пробился мех там, где она к нему прикасалась.

«...и крылья! — сказал Харви. — Не забудь о крыльях».

«Никогда!» — успокоил Джайв.

«Раскинь руки, мальчик», — велела Марр.

Он так и сделал, и она, уже улыбаясь, пробежала вдоль них своими ладонями.

«Хорошо, — сказала она. — Хорошо».

Он осмотрел себя. К своему изумлению он обнаружил, что пальцы его скрючились и заострились, а с рук свисают кожистые крылья. Ветер дунул в них, угрожая тотчас же снести его с крыши.

«Ты знаешь, что играешь в опасную игру, правда? — спросила Марр, отойдя, чтобы полюбоваться плодом своих трудов. — Ты или расшибешь себе голову, или до смерти напугаешь своего приятеля Венделла. Или то и другое».

«Он не упадет, женщина! — сказал Джайв. — У него есть в этом сноровка. Могу утверждать, только взглянув на него». Джайв уставился на Харви своими прищуренными глазами.

«Не удивлюсь, мальчик, если в прошлой жизни ты был вампиром», — сказал он.

«У вампиров не бывает другой жизни, — сказал Харви, с трудом выговаривая слова ртом, полным клыков. — Они живут вечно».

«Это правильно, — подтвердил Джайв, щелкая пальцами. Так они и делают! Так они и делают!»

«Ну, я закончила, — сказала Марр. — Ты можешь идти, мальчик».

Ветер дохнул вновь, и если бы Джайв не держал его, когда они шли по краю крыши, Харви точно был бы унесен прочь.

«Вон твой приятель», — шепнул Джайв, тыча пальцем вниз в темноту.

К великому своему изумлению Харви обнаружил, что может видеть Венделла вполне четко, даже несмотря на то, что в зарослях было дегтярно-черно. Он мог и слышать Венделла: каждый тихий вдох, каждый удар его сердца.

«Вон он», — прошипел Джайв, кладя руку на спину Харви.

«Что я должен сделать? — спросил Харви. — Я должен взмахнуть крыльями или что?»

«Прыгай! — ответил Джайв. — Ветер позаботится об остальном. Или ветер, или сила тяжести».

И он столкнул Харви с края крыши в пустой воздух.

10

Выпадение из приличия

Ветра, который мог бы подхватить его, не было. Он падал, как черепица, соскользнувшая с двухскатной крыши, вопль невыносимого ужаса вырвался у него из горла. Он увидел, как Венделд повернулся, он увидел выражение смертельного страха, возникшее на его лице, затем из ниоткуда взялся ветер, холодный и сильный, и как раз когда его ноги скользнули по кустам, он ощутил, что подымается выше и выше в небо.

Его вопль сделался криком, ужас — радостью. Луна была больше, чем он когда-либо видел, и ее широкий белый лик заслонял обзор, словно лицо матери, наклонившейся, чтобы поцеловать его перед сном.

С той единственной разницей, что никакие сны сегодняшней ночью ему не были нужны и не нужна была мать, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Это было лучше, чем любой сон, — летать по ветру на собственных крыльях, а мир внизу сотрясается в страхе перед его тенью.

Он вновь поискал Венделла и увидел, как тот бежит под защиту Дома.

Нет, не добежит, подумал он, и, развернув крылья словно кожаные паруса, устремился вниз, на свою добычу. Вопль, леденящий кровь, наполнил его уши, и на мгновение Харви подумал, что это ветер. Затем он осознал, что этот нечеловеческий возглас издавало его собственное горло, и пронзительный вопль стал смехом, диким безумным смехом.

«Нет... Пожалуйста... нет! — всхлипывал Венделл пока бежал. — Помогите мне! Кто-нибудь, помогите мне!»

Харви знал, что уже отомстил: Венделл был перепуган насмерть. Но все это было слишком забавным, чтобы остановиться сейчас. Ему нравилось чувствовать ветер под собой и холодную луну у себя за плечами. Ему нравилась острота собственных глаз и сила когтей. Но более всего ему нравился страх, причиной которого был он сам, нравился вид запрокинутого лица Венделла и слезы отчаяния в его глазах.

Ветер нес Харви в заросли, и когда он приземлился, Венделл бросился на колени, умоляя о пощаде.

«Не убивай меня! Пожалуйста, пожалуйста, прошу тебя — не убивай меня!»

Харви и видел и слышал достаточно. Он отомстил. Пришло время положить конец игре, пока забава не потеряет смысл.

Он открыл рот, чтобы назвать себя, но Венделл — видя красное горло и волчьи клыки, и думая, что это означает смерть — начал опять умолять. Однако на сей раз это были не

просто мольбы.

«Я слишком жирный для еды, — захныкал он. — Но где-то здесь поблизости есть другой ребенок...»

Харви зарычал.

«Есть! — хныкал Венделл. — Клянусь. И в нем больше мяса, чем во мне!»

«Послушай ребенка, — раздался голос из кустов поблизости от Харви. Он оглянулся. Там был Джайв, его пружинистая фигурка едва виднелась среди колючек. — Он бы посмотрел на тебя. На тебя мертвого, юный Харви».

Венделл ничего не слышал. Он все еще нахваливал вкусовые качества своего друга, задирая рубашку и тряс своим толстым животом, чтобы доказать, насколько он сам невкусный.

«Ты не хочешь меня... — всхлипывал он. — Возьми Харви! Возьми Харви!»

«Кусай его, — сказал Джайв. — Давай же. Выпей у него немного крови. Почему бы не выпить? Жир нехорош, но кровь горяча, кровь вкусна». Он исполнил короткий танец, пока говорил, притопывая ногами в такт своему песнопению. «А ну-ка, а ну-ка! Мясо — вкусная штука!»

А Венделл все еще подвывал, весь в соплях и слезах. «Ты не хочешь меня. Найди Харви! Найди Харви!»

И чем больше он рыдал, тем больший смысл приобретала для Харви песнь Джайва. Во всяком случае, кем был этот нелепый смехотворный мальчик для Харви? Он чересчур сильно старался сервировать Харви в качестве обеда, чтобы называться другом. Он был просто лакомым кусочком. Любой вампир, достойный своих крыльев, откусил бы ему голову, только взглянув на него. И все же...

«Чего ты ждешь? — хотел знать Джайв. — Мы вошли в такие хлопоты, чтобы сделать из тебя чудовище...» «Да, но это игра», — возразил Харви. «Игра? — переспросил Джайв. — Нет, нет, мальчик. Это больше чем игра. Это учеба».

Харви не знал, что имел в виду Джайв, и вместе с тем не был уверен, что хотел знать.

«Если ты сейчас не набросишься, — прошипел Джайв, — ты упустишь его».

Это было верно. Слезы Венделла пропали, и он смотрел на нападавшего изумленным взглядом.

«Ты... собираешься меня... отпустить?» — прошептал он.

Харви почувствовал на своей спине руку Джайва.

«Кусай!» — подсказал Джайв.

Харви глядел на заплаканное лицо Венделла и на его дрожащие руки. Если бы я оказался в таком положении, подумал он, намного ли я был бы храбрее? Он знал ответ. Нет. «Теперь или никогда», — заявил Джайв. «Тогда никогда, — ответил Харви. — Никогда!» Слово вылетело гортанным ревом, и Венделл побежал впереди него, вопя изо всех сил. Харви не стал преследовать.

«Ты разочаровываешь меня, мальчик, — сказал Джайв. — Я думал, у тебя есть инстинкт убийцы».

«Ну нету», — пробормотал Харви, немного сконфузившись. Он чувствовал себя трусом, даже

если и знал, что поступил правильно.

«Зря потратили волшебство», — произнес другой голос, и Марр появилась из кустов, держа в охапке огромные грибы. «Где ты их нашла?» — спросил Джайв. «На обычном месте», — ответила Марр. Она с сомнением посмотрела на Харви. «Я полагаю, ты хочешь свое старое тело обратно», — сказала она.

«Да, пожалуйста».

«Мы должны оставить его в таком виде, — сказал Джайв. — Рано или поздно ему придется высасывать кровь».

«Ха, — сказала Марр. — Ты ведь знаешь, как много надо волшебства на это все. Зачем его расходовать на жалкое маленькое ничтожество?»

Она небрежно махнула рукой в сторону Харви, и он ощутил, что могущество, которое наполнило его тело и изменило его лицо, покидает его. Конечно, в том, что волшебство снято, было определенное облегчение, но малая часть его оплакивала потерю. За несколько мгновений он опять стал земным мальчиком, бескрылым и слабым.

Сняв чары, Марр повернулась к нему спиной и пошла вперевалку в темноту. Джайв, однако, помедлил, чтобы последний раз подковырнуть Харви.

«Ты упустил свой шанс, малыш, — сказал он. — Ты мог бы стать одним из великих».

«Это был фокус. Это все, — сказал Харви, утаивая странную грусть, которую он испытывал. — Хэллоуиновский фокус. Это ничего не значит».

«Существуют те, кто не согласится, — загадочно проговорил Джайв. — Те, которые сказали бы, что все внешние силы мира были в глубине души кровопийцами и похитителями душ. И мы должны служить им. Мы все. Служить до конца своих дней».

Он жестко смотрел на Харви во время этой странной маленькой речи, а когда закончил, быстрым шагом удалился в тень и исчез.

Харви нашел Венделла на кухне, с горячей сосиской в одной руке и с пирожным в другой, рассказывающим миссис Гриффин, что он видел. Он выронил еду, когда Харви вошел, и взвизгнул с облегчением:

«Ты живой! Ты живой!»

«Конечно, я живой, — сказал Харви. — Почему бы и нет?»

«Снаружи есть что-то. Ужасный зверь. Он почти съел меня. Я думал, может, он и тебя съел».

Харви поглядел на свои руки и ноги.

«Не-а, — сказал он. — Ни кусочка».

«Я рад! — воскликнул Венделл. — Я так рад, так рад. Ты мой лучший друг, навсегда».

А пять минут назад я был пищей для вампира, подумал Харви, однако ничего не сказал. Может, придет время, когда он расскажет Венделлу о превращении и искушении, но не сейчас. Он просто заявил: «Я голоден». И сел за стол возле своего ненадежного друга, чтобы отправить в желудок нечто более вкусное, чем кровь.

Взгляды меняются

Ни Лулу, ни Венделла на следующий день поблизости не было — миссис Гриффин сказала, что она видела их обоих до завтрака, а затем они исчезли — и Харви был предоставлен самому себе. Он пытался не думать о том, что случилось прошлой ночью, но не мог удержаться.

Вспоминались обрывки разговора, и он размышлял над ними в течение всего дня. К примеру, что имел в виду Джайв, когда сказал Харви, что превращение его в вампира не столько игра, сколько учеба? Что за урок он получил, прыгнув с крыши и испугав Венделла?

А вся та чепуха о похитителях душ и прочем, что значит она? Говорил ли Джайв о мистере Худе, как о той великой силе, которой все они должны служить? Если Худ был где-то в Доме, почему никто — ни Лулу, ни Венделл, ни он сам — не повстречался с ним? Харви расспрашивал своих друзей о Худе и от обоих узнал одно и то же: они не слышали ни звука шагов, ни шепота, ни смеха. Если мистер Худ действительно был здесь, где он прятался и почему?

Так много вопросов и так мало ответов.

И затем, будто загадок недостаточно, пришла еще одна, чтобы беспокоить его. На склоне дня, развалясь в тени древесного дома, он услышал крик разочарования и, посмотрев через листья, увидел Венделла, бегущего через лужайку. Венделл был одет в анорак и башмаки, даже несмотря на то, что был зной, и топал повсюду как сумасшедший.

Харви позвал его, но призыв либо не был услышан, либо Венделл не обратил на него внимания, а потому Харви спустился вниз и последовал за приятелем. Он обнаружил его во фруктовом саду, покрасневшего и вспотевшего.

«Что происходит?» — спросил Харви.

«Я не могу выбраться! — сказал Венделл, растирая ногой полусгнившее яблоко. — Я хочу уйти, Харви. Но отсюда нет выхода!»

«Конечно, есть!»

«Я пытался в течение многих часов, и говорю тебе: туман отсылает обратно тем же путем, которым я пришел».

«Эй, успокойся!»

«Я хочу уйти домой, Харви, — сказал Венделл, чуть не плача. — Прошлая ночь это уж слишком. Тварь приходила за моей кровью. Я знаю, ты мне не веришь...»

«Верю, — сказал Харви. — Честное слово, верю».

«Правда?»

«Конечно».

«Ну тогда, может быть, тебе тоже необходимо уйти, потому что если я уйду, оно придет за тобой».

«Я так не думаю», — сказал Харви.

«Я обманывал себя относительно этого места, — сказал Венделл. — Оно опасное. Да, я знаю, кажется, что вроде все идеально, но...»

Харви прервал его. «Может быть, тебе надо говорить потише, — сказал он. — Нам надо говорить об этом тихо. Наедине».

«Но где? — спросил Венделл с обезумевшими глазами. — Само место наблюдает за нами и слушает нас. Ты это не чувствуешь?»

«Зачем ему это делать?»

«Я не знаю! — рявкнул Венделл. — Но прошлой ночью я подумал, что если я не уйду, я здесь умру. Просто исчезну однажды ночью или сойду с ума, как Лулу». Он понизил голос до шепота. «Мы не первые, ты знаешь. Как насчет всех тех вещей наверху? Насчет всех пальто? И ботинок и шляп? Они принадлежали таким же детям, как мы».

Харви вздрогнул. Играл ли он в «обмани-напугай» в ботинках мертвого мальчика?

«Я хочу выбраться отсюда, — сказал Венделл. Слезы сбегали по его лицу. — Но пути отсюда нет».

«Если есть дорога сюда, должна быть дорога отсюда, — рассудительно сказал Харви. — Мы пойдем к стене».

И он отправился, таща Венделла на буксире, вдоль фасада Дома и вниз по мягкому склону лужайки. Туманная стена выглядела совершенно безвредной, когда они приблизились к ней.

«Будь осторожен... — предупредил Венделл. — У нее припасены разные фокусы».

Харви замедлил шаги, ожидая, что стена дрогнет или даже потянется за ним. Но она ничего не сделала. Теперь, осмелев, он шагнул в туман, уверенный, что появится на другой стороне, но благодаря какому-то фокусу он развернулся, даже не осознавая этого, и вышел из стены перед Домом.

Что происходит, спросил он себя. Озадаченный, он снова шагнул в туман.

Произошло то же самое. Он входил и выходил. Он пытался еще, еще, еще. Но каждый раз срабатывал все тот же фокус. До тех пор, пока Харви не разочаровался, как полчаса раньше разочаровался Венделл.

«Теперь ты мне веришь?» — спросил Венделл.

«Да».

«Так что же нам делать?»

«Ну, во-первых, мы не должны об этом вопить, — прошептал Харви. — Просто продолжим днем. Сделаем вид, что мы больше не собираемся уходить. Я хочу немного осмотреться».

Он начал свои исследования, как только они вернулись в Дом. Он отправился искать Лулу. Харви постучал в дверь спальни, затем позвал. Не услышав, он потянул дверную ручку. Дверь была не заперта.

«Лулу! — позвал он. — Это Харви».

Ее не было. Но он с облегчением увидел, что в ее постели спали и что она недавно играла со своими любимцами. Двери кукольного домика были открыты, и ящерицы сновали повсюду.

Однако была одна странность: звук бегущей воды привел его в ванную комнату, где он обнаружил, что ванна полна почти до краев, а одежда Лулу разбросана на мокром кафеле.

«Вы не видели Лулу?» — спросил он миссис Гриффин, когда сошел вниз.

«Последние несколько часов не видела, — ответила та. — Но девочка держится особняком». Миссис Гриффин угрюмо посмотрела на Харви. «Будь я на твоём месте, я бы не обращала на все слишком много внимания, дитя, — сказала она. — Мистер Худ не любит любопытных гостей».

«Я просто думаю, куда бы она могла пойти», — сказал Харви.

Миссис Гриффин нахмурилась. Губы ее слабо шевелились, как будто она хотела заговорить, но не осмеливалась.

«В любом случае, — продолжал Харви, намеренно подстрекая миссис Гриффин, — я не верю, что мистер Худ существует».

«Тут будь осторожен, — сказала она. Ее голос понизился и хмурость усилилась. — Ты не можешь так говорить о мистере Худе».

«Я здесь уже... много-много дней, — сказал Харви, осознав вдруг, что потерял в Доме счет времени. — И я ни разу не видел его. Где он?»

Теперь миссис Гриффин подошла к Харви с поднятыми руками, и на мгновение он подумал, что она собирается ударить его. Но она взяла его за плечи и встряхнула.

«Пожалуйста, дитя! — сказала она. — Удовлетворись тем, что знаешь. Ты находишься здесь, чтобы радоваться, пусть недолго. И, дитя, это так недолго. Время летит. О боже, как оно летит!»

«Всего несколько недель, — произнес Харви. — Я не собираюсь оставаться здесь вечно». Теперь он уставился на нее. «Или останусь?» — спросил Харви.

«Остановись», — сказала она ему.

«Вы думаете я здесь навечно, да? — спросил он, стряхивая ее руки. — Что это за место, миссис Гриффин? Это что-то вроде тюрьмы?»

Она покачала головой.

«Не лгите мне, — сказал он. — Это глупо. Мы узники. Разве не так?»

Теперь, хотя она тряслась от страха с головы до ног, она осмелилась слабо кивнуть головой.

«Мы все? — спросил он. Она вновь кивнула. — Вы тоже?»

«Да, — шепнула она, — я тоже. И отсюда нет выхода. Поверь мне, если ты снова попытаешься убежать, Карна придет за тобой».

«Карна...» — сказал он, помня имя по разговорам Джайва и Марр.

«Он там, наверху, — прошептала миссис Гриффин. — На крыше. Там они все четверо живут. Риктус, Марр, Карна...»

«И Джайв».

«Ты знаешь».

«Я встречал их всех, кроме Карны».

«Молись, чтобы никогда не встретил, — сказала миссис Гриффин. — А теперь послушай меня, Харви. Я видела многих детей в этом Доме, приходящих и уходящих, — некоторые были глупыми, некоторые эгоистичными, некоторые милыми, некоторые храбрыми — но ты, ты одна из самых ясных душ, из тех, что я когда-либо встречала. Я хочу, чтобы ты взял всю радость, которую ты можешь взять, будучи здесь. Используй эти часы хорошо, потому что их будет меньше, чем ты думаешь».

Харви терпеливо выслушал ее. Затем, когда она закончила, он произнес:

«Все же я хочу встретить мистера Худа».

«Мистер Худ мертв», — сказала миссис Гриффин, раздраженная его настойчивостью.

«Мертв? Вы клянетесь?»

«Клянусь, — ответила она. — Могилой моей бедной Клю Кэт клянусь: мистер Худ мертв. Поэтому никогда больше не спрашивай о нем».

Это был единственный раз, когда миссис Гриффин чуть не дала Харви приказание, и хотя он хотел продолжить расспросы, он не стал. Он заявил, что сожалеет, что поднял этот вопрос, и никогда не сделает этого вновь, а затем оставил миссис Гриффин наедине с ее тайными печальями.

12

Что приносит и что отнимает вода

«Ну, — сказал Венделл, когда Харви вошел к нему в комнату, — как дела?»

Харви пожал плечами.

«Все прекрасно, — ответил он. — Почему бы нам просто не забавляться, пока мы можем?»

«Забавляться? — переспросил Венделл. — Как мы можем забавляться, когда мы узники?»

«Здесь лучше, чем в мире снаружи, — заявил Харви. Венделл поглядел на него с изумлением. — Ведь правда, не так ли?»

Говоря так, он схватил Венделла за руку, и Венделл понял, что Харви пытается передать ему бумажный шарик.

«Может быть, тебе следовало найти спокойный уголок и немного почитать», — сказал он и при этом выразительно посмотрел на руки друга.

Венделл уловил мысль. Он забрал скатанную записку из руки Харви и ответил:

«Может, я так и сделаю».

«Хорошо, — сказал Харви. — Я собираюсь выйти погулять и насладиться солнцем, пока есть возможность».

Так он и сделал. Ему нужно было много спланировать до полуночи, когда, как гласила записка Венделлу, они должны встретиться, чтобы совершить побег. Явно, что даже силы, которые охраняют дом, должны иногда спать (поддерживать смену сезонов — не простое занятие), а из всех часов, которые пронесутся, полночь казалась наиболее многообещающей.

Но Харви не предполагал, что побег будет легким. Дом был ловушкой в течение десятилетий, возможно, столетий, (кто знает, как на самом деле старо его зло?), и даже в полночь он мог бы не быть столь глупым, чтобы оставить выход широко открытым. Им следовало быть быстрыми и умными, не паниковать и не терять головы, когда они окажутся в тумане. Реальный мир находится где-то снаружи. И они должны отыскать его.

Он знал, когда увидел Венделла во время Хэллоуина, что записка прочитана и обдумана. Взгляд Венделла говорил:

«Я готов. Я нервничаю, но я готов».

Остаток вечера прошёл для них обоих, как представление странной пьесы, в которой они были актерами, а Дом (какие бы духи там ни водились) — зрителем. Они отправились развлекаться, словно эта ночь была как всякая другая, играли в «обмани-напугай» с нарочитым громким смехом (даже несмотря на то, что оба они содрогались в своих взятых напрокат ботинках). Затем вернулись в Дом, чтобы поужинать и провести свое — как они надеялись — последнее Рождество в Доме. Они развернули подарки (механическая собака для Венделла, набор фокусника для Харви), сказали доброй ночи миссис Гриффин (прощайте, конечно, а не доброй ночи, но Харви не осмелился даже намекнуть ей) и потом отправились в постель.

Дом становился все тише и тише. Снег больше не вздыхал на карнизе под окном, а ветер в каминной трубе. Это было, подумал Харви, глубочайшее молчание, которое он когда-либо слышал — настолько глубокое, что он мог слышать удары сердца, отдающиеся в ушах. И каждый шорох его тела в простынях звучал как рокот боевых барабанов.

Незадолго перед полуночью Харви встал и оделся, двигаясь медленно и осторожно, так, чтобы производить как можно меньше шума. Затем он — скользнув подобно вору из тени в тень, — заторопился вниз по лестнице и наружу в ночь.

Он ушел не через входную дверь (она была тяжелой и громко скрипела), а через дверь кухонную, которая вывела его сбоку от дома. Хотя ветер утих, воздух был все еще резкий и поверхность снега замерзла. Ледяная корка хрустела, пока он шел, как бы легко он ни ступал. Но он начинал надеяться, что глаза и уши Дома на самом деле закрыты в этот час (если нет, то почему его не окликнули?) И он смог подойти к задворкам, не привлекая внимания.

Но тогда, когда он собирался повернуть за угол, эта сладкая надежда была подкислена, кто-то во мраке за спиной окликнул его по имени. Харви замер на месте, надеясь, что темнота прикроет его, но голос прилетел вновь и вновь назвал его по имени. Он не узнавал этот голос. Явно не Венделл и не миссис Гриффин. Не Джайв, не Риктус, не Марр. Это был слабый голос; голос кого-то, кто едва знал, как выговаривать звуки его имени.

«Хар... в-в-ви...»

И затем совсем неожиданно он узнал голос, и удары сердца — которое работало убыстрение

с тех пор, как он выскользнул из постели, — усилились и стали звучать в ушах настолько громко, что почти заглушили призывы, когда голос послышался вновь.

«Лулу?» — пробормотал он.

«Да...» — сказал голос.

«Где ты?»

«Близко...» — сказала она.

Он поглядел в заросли, надеясь хоть мельком увидеть ее, но все, что он мог видеть, был звездный свет, блестящий на замерзших листьях.

«Ты уходишь...» — сказала она, невнятно произнося слова.

«Да, — шепнул он. — И ты должна пойти с нами».

Он шагнул в ее сторону, и когда сделал это, какой-то блеск, который он считал инеем, удалился от него. Что она надела, что блестело таким образом?

«Не бойся», — сказал он.

«Я не хочу, чтоб ты смотрел на меня», — сказала она.

«Что плохого?»

«Пожалуйста... — сказала она. — Просто... держись подальше...»

Она отошла от него еще и, казалось, потеряла равновесие, Сделав это. Она упала на землю, и заросли вокруг нее задрожали. Харви шагнул вперед, чтобы помочь ей подняться, но Лулу так всхлипнула, что он замер на месте.

«Я только хотел помочь», — сказал он.

«Ты не можешь помочь мне, — ответила она с болью в каждом слове. — Слишком поздно. Ты просто должен... идти... пока еще можешь. Я только... хотела дать тебе... кое-что, чтоб ты меня вспоминал».

Он увидел ее движение в тени, она тянулась в его сторону. «Отвернись», — сказала она.

Он отвернул от нее лицо.

«Теперь закрой глаза. И обещай, что не откроешь их».

Он покорно закрыл глаза. «Обещаю», — сказал он. И теперь он услышал, как она движется к нему, затрудненно дыша.

«Протяни руку», — сказала она.

Ее голос был теперь близко. Он знал, что если откроет глаза, он будет лицом к лицу с ней. Но он дал обещание и был обязан держать его. Он раскрыл ладонь и ощутил сначала один, затем два, затем три тяжелых маленьких предмета, холодные и влажные, опущенные в его сложенную горстью ладонь.

«Это все... что я смогла отыскать... — сказала Лулу. — Мне жаль...»

«Можно взгляну?» — спросил он. «Еще нет. Дай мне... сначала... уйти...» Он обхватил

пальцами подарки, которые она ему дала, стараясь понять наощупь, что это такое. Чем они были? Кусочками мерзлого камня? Нет, они были украшены резьбой. На одном из них он чувствовал желобки, голову на другой. И теперь, конечно, он знал, что держал: троих спасшихся с его ковчега, выловленных из глубин озера.

Ответ не успокоил его, совсем наоборот. Он содрогнулся, когда сложил загадку серебристого сияния Лулу вместе со знанием того, что он сейчас держал. Она ныряла вниз, на дно озера, чтобы обнаружить эти фигурки. Такой спуск невозможен для любого обитателя земли.

Не удивительно, что она уходила в тень, приказывая ему не смотреть. Она больше не была человеком. Она становилась или уже стала — сестрой тем странным рыбам, которые кружили в темных водах, с холодной кровью и серебристой кожей.

«О Лулу... — сказал он, — как это случилось?» «Не трать время со мной, — прошептала она. — Просто уходи, пока у тебя есть возможность».

«Я хочу тебе помочь», — сказал он.

«Ты не можешь... — пришел ответ. — Не можешь помочь мне... я была здесь слишком долго. Моя жизнь окончена...»

«Это неправда, — сказал Харви. — Мы одного возраста».

«Но я была здесь так долго, что даже не помню...» — ее голос отдалился.

«Не помнишь что?»

«Может быть, я просто не хочу помнить, — сказала она. — Это доставляет слишком большую боль...» Она сделала долгий вдох, словно задышалась. «Ты должен идти... — сказала она шепотом, — идти, пока еще можешь»

«Я не боюсь».

«Тогда ты глупец, — сказала она. — Потому что должен бояться».

Он услышал, как заросли зашевелились, когда она начала уходить от него.

«Подожди, — окликнул он. Она не ответила. — Лулу!»

Шум стал еще громче. Судя по звуку, она почти бежала, чтобы он не мог догнать ее. Нарушив свое обещание, Харви открыл глаза и мельком увидел ее, пока она удалялась. Тень в тенях, не больше. Он пустился за ней, не зная, что скажет или сделает, когда догонит, но зная, что никогда не простит себе, если как-нибудь ей не поможет.

Может быть, если он уговорит ее пойти вместе с ним, из окрестностей Дома, злобное колдовство будет снято. Или может быть, он отыщет какого-нибудь доктора в наружном мире, доктора, который излечит ее от безобразия. Все что угодно, но только не дать ей возвратиться в озеро.

Поверхность воды была теперь видна, темно поблескивала между ветками деревьев и кустов. Лулу достигла берега, и на мгновение скудный звездный свет отыскал ее. Все, чего боялся Харви, оказалось правдой. И более того. Плавник вырос из ее согнутой и чешуйчатой спины, а ноги почти слились. Руки ее стали короткими и похожими на обрубки, пальцы соединились перепонками.

Но именно ее лицо мелькнуло, когда она повернулась, чтобы взглянуть на Харви, и это было величайшим потрясением.

Волосы ее выпали, а нос исчез. Рот утратил губы, голубые глаза превратились во вращающиеся серебряные шары без век и без ресниц. И все же, невзирая на ее уродство, в тех глазах было человеческое чувство, а в очертаниях рта ужасная печаль, которая — Харви знал — никогда больше не уйдет из его сердца, даже если он проживет тысячелетия.

«Ты был моим другом, — сказала она, пошатываясь на берегу. — Спасибо тебе за это».

Затем она бросилась в воду.

Он стремительно подошел к кромке воды, но к тому времени, как он достиг места, откуда она нырнула, рябь исчезла и пузыри лопнули. Он смотрел на ледяную воду минуту или больше, надеясь, что Лулу увидит его и поднимется к поверхности, но она ушла туда, куда он не мог последовать за ней, и это, казалось, был конец.

Сжимая ее дары как талисманы, он поплелся прочь от озера. На лужайку, чтобы встретиться с Венделлом.

13

Четвертая часть тьмы

«Что с тобой случилось? — шепнул Венделл, когда Харви достиг нижней части лужайки. — Я думал, мы встречаемся в полночь».

«Меня... перехватили», — ответил Харви.

Он намеревался рассказать Венделлу, что только что обнаружил, но его приятель явно нервничал, даже не зная о судьбе Лулу. Харви сунул троих спасшихся с ковчег в карман и решил рассказать о неожиданной встрече только тогда, когда он и Венделл будут на безопасном расстоянии от ужасного места.

Только одно препятствие стояло между ними и этой целью: стена тумана. Теперь, как и обычно, стена казалась вполне безобидной. Но то была иллюзия, подобно многому в царстве мистера Худа.

«Нам следует все очень хорошо организовать, — сказал Харви Венделлу. — Как только мы оказываемся в стене, мы теряем чувство направления. Таким образом, мы должны быть уверены, что продолжаем идти по прямой, и не позволять туману разворачивать нас».

«А как нам это сделать?» — спросил Венделл.

«Я думаю, один из нас должен шагать впереди, а другой держаться за его руку».

«Я, — сказал Венделл с готовностью. — Я хочу быть первым».

«Без проблем. Тогда я буду держаться спиной к дому и направлять тебя. Кто знает, может, стена такая тонкая, что ты просто протащишь меня через нее».

«Будем надеяться», — вздохнул Венделл.

«Ты готов?» — спросил Харви, протягивая руку. Венделл взял ее. «Настолько, насколько ты», — ответил он. «Тогда пошли отсюда».

Венделл кивнул и шагнул в туман. Мгновенно Харви почувствовал, что хватка его усилилась.

«Не... позволяет... пройти...» — произнес Венделл голосом уже далеким, хотя был только на шаг впереди.

«Просто продолжай идти, — сказал Харви, когда они оказались на расстояние вытянутой руки друг от друга. — Любой знак...»

Прежде чем он смог закончить свой вопрос, шум из Дома, оставшегося за спиной, запечатал ему губы. Он оглянулся. Входная дверь была открыта, а свет в зале зажжен, превращая в силуэт фигуру, торопливо сбегающую по ступеням крыльца. Это была миссис Гриффин.

Шум, который он услышал, однако, издавала не она. Человек не мог бы произвести подобный гул. Он увидел, что миссис Гриффин, пока торопилась вниз по лужайке, смотрела на крышу Дома, и, следуя за ее взглядом, он увидел, как на фоне звезд поднимается производитель шума.

Он знал его имя, даже несмотря на то, что не мог видеть его лица. У Худа было четверо слуг и он встречал только троих: Риктуса, Джайва и Марр. Здесь был четвертый:

Карна-похититель зубов, Карна-пожиратель, Карна-зверь, которого, как надеялась миссис Гриффин, Харви никогда не встретит.

«Возвращайся в дом, дитя! — завопила миссис Гриффин, когда шорох огромных крыльев заполнил воздух. — Быстро! Быстро!»

Харви дернул Венделла за руку, крича ему, но Венделл уже почувствовал дуновение свободы и не собирался отступить.

«Чего ты ждешь? — кричала миссис Гриффин. — Убирайся оттуда, или он снесет тебе голову!»

Харви посмотрел вверх, на летящего зверя, и понял, что это не ложь. Челюсти Карны были достаточно широки, чтобы одним куском откусить от него половину. Но Харви не мог оставить Венделла в тумане. Они вместе начали рискованное дело и так же должны завершить его, мертвые или живые. У него не было выбора, кроме как самому шагнуть в туман и надеяться, что Венделл хоть мельком разглядел наружный мир и сможет протащить Харви через стену на улицу.

Сделав этот шаг, он услышал, как миссис Гриффин говорит что-то насчет дороги, но он был ослеплен холодным туманом, и звук ее голоса искажился до шепота.

Однако пронзительные выкрики Карны были не так приглушены. Они разрывали мрак, протыкая мысли Харви так же, как зубы Карны могли бы пронзить его голову, если бы зверь поймал его.

«Венделл! — завопил Харви. — Оно гонится за нами!»

Харви разглядел впереди себя фигуру. Затем лицо Венделла, размытое туманом, повернулось, чтобы сказать:

«Пути наружу нет!»

«Но он должен быть!»

«Я не могу отыскать!» — сказал Венделл. И его ответ почти потонул за громом выкриков Карны.

Харви оглянулся на дорогу, которой пришел, больше боясь не понять, насколько близко

тварь, чем увидеть ее, сколь бы ни было устрашающим зрелище. Пелена тумана клубилась перед ним, но он уловил очертания Карны, когда зверь спускался. Этот был самым чудовищным из всего выводка: гнилая кожа растягивалась на колючих и гладких костях, глотка была гнездом змеиных языков, челюсти усажены сотнями зубов.

Вот и конец, подумал Харви. Я прожил только десять лет и пять месяцев, и скоро мне откусят голову.

Затем краем глаза он увидел странное зрелище. Руки миссис Гриффин, протягивающиеся в туман и бросающие Блю Кэт на землю.

«У нее хорошее чувство направления! — услышал Харви слова миссис Гриффин. — Иди за ней! Иди за ней!»

В повторном приглашении он не нуждался. Блю Кэт тоже. Задрвав хвост, она пошла, мягко ступая. И Харви потащил за руку Венделла, чтобы последовать в погоню. Кошка была быстра, но Харви был столь же быстр. Он не отрывал глаз от этого яркого хвоста, даже когда шорох крыльев позади возвестил, что Карна погрузился в туман и находится почти над ними.

Два шага, три шага, четыре. Казалось, теперь туман разряжался. Харви услышал радостные вопли Венделла.

«Улица! — орал он. — Я ее вижу!» В следующее мгновение Харви тоже увидел ее, с тротуарами, влажными от дождя и сияющими в свете ламп. Теперь он осмелился взглянуть назад. Там находился Карна, челюсти его были на расстоянии ярда от них.

Он отпустил руку Венделла и толкнул своего друга в сторону улицы, одновременно пригибаясь. Нижняя челюсть Карны оцарапала его спину, но тварь двигалась слишком быстро, чтобы контролировать себя. И вместо того чтобы, развернувшись, схватить свою добычу, Карна влетел в реальный мир.

Венделл был уже там, Харви присоединился к нему мгновением позже.

«Нам удалось! — вопил Венделл. — Нам удалось!»

«Карне тоже!» — сказал Харви, показывая на зверя, когда тот поднимался в облачное небо и поворачивал, чтобы опять пойти за ними.

«Он хочет загнать нас обратно!» — сказал Харви.

«Я не собираюсь! — заплакал Венделл. — Никогда! Я никогда не вернусь обратно!»

Карна услышал этот вызов, его полыхающие глаза уставились на Венделла, и он полетел вниз как молния. Крик его эхом раздавался в полночных улицах.

«Бежим!» — скомандовал Харви.

Но взгляд Карны пригвоздил Венделла к месту. Харви схватил Венделла и был готов бежать, когда услышал, что крик зверя изменился. Триумф превратился в сомнение, сомнение превратилось в боль, и внезапно Карна стал не налетать, а падать, в крыльях его образовались дыры, будто полчища или рои невидимой моли поедали ткань.

Карна с трудом пытался подняться опять в воздух, но израненные крылья отказывались служить. И несколько мгновений спустя он ударился об улицу столь крепко, что откусил себе дюжину языков и разбросал полсотни зубов под ногами мальчиков. Однако падение не убило его. Хотя Карна мучительно страдал от ран, он с трудом приподнялся на шипастых костылях крыльев и начал подтаскивать свое тело обратно к стене. Даже теперь в поврежденном

состоянии он был ужасен. И щелкая зубами направо и налево, отгонял Харви и Венделла со своего пути.

«Здесь ему не выжить... — размышлял вслух Венделл. — Он умирает».

Харви желал, чтобы у него было какое-нибудь оружие, чтобы удержать тварь от возвращения в безопасное место, но ему пришлось удовольствоваться лишь зрелищем отступления. Если бы Карна не желал их плоти столь сильно, подумал Харви, то не погнался бы за ними с такой скоростью и не причинил бы себе ни боли, ни повреждений. Это был урок, и если бы Карна мог запомнить его! Зло, каким бы сильным оно ни казалось, может быть побеждено своим собственным аппетитом.

Когда тварь исчезла, занавес тумана задернулся.

Единственным напоминанием о тайнах, что лежали по другую сторону стены, была мордочка Блю Кэт, глядящая на мир, который она, подобно другим обитателям Дома, никогда не могла бы исследовать. Лазурный взгляд на мгновение встретился со взглядом Харви, затем Блю Кэт оглянулась на свою тюрьму, словно услышав призывы миссис Гриффин, и с печальным вздохом повернулась и потащила прочь.

«Странно, — сказал Венделл, когда поглядел на дождливые улицы. — Как будто бы я никогда и не уходил отсюда».

«Так ли?» — сказал Харви. Он не был уверен. Он чувствовал разницу, отмеченную этим приключением.

«Я думаю, вспомним ли мы уже через неделю, что мы жили там?»

«О, я вспомню, — сказал Харви. — У меня есть несколько сувениров».

Он сунул руку в карман, ища фигурки с ковчега. Даже когда он вытаскивал их, он ощутил, что они крошатся, будто реальный мир брал с них дань.

«Иллюзии...» — прошептал он, когда фигурки превратились в пыль и просыпались между пальцев.

«Какая разница? — заявил Венделл. — Время отправляться домой. И это не иллюзия».

14

Время ушло

Мальчики потратили два часа на то, чтобы добраться до центра города, и там — поскольку их дома находились в разных сторонах, — они расстались. Но еще до этого они обменялись адресами и договорились связаться в следующие день-два, для того, чтобы подтвердить рассказы друг друга о Доме Каникул. Заставить людей поверить во все, что произошло с ними, трудно и все-таки возможно. Им будет проще, если оба расскажут одинаковую историю.

«Я знал, что ты действительно вернешься сюда, — сказал Венделл перед тем, как они расстались. — Ты спас мне жизнь».

«Ты сделал для меня то же», — ответил Харви.

Венделл выглядел озадаченным. «Возможно, мне и хотелось бы, — сказал он как-то сконфуженно, — но я никогда не был особенно смелым».

«Мы убежали вместе, — сказал Харви. — Без тебя я не смог бы этого сделать».

«На самом деле?»

«На самом деле».

Венделл просветлел, услышав это. «Ага, — сказал он. — Думаю, это правда. Ну... увидимся».

И каждый пошел своей дорогой.

До рассвета оставалось еще несколько часов, и улицы были совершенно безлюдны, а потому для Харви путь домой был долгим, одиноким и трудным. Он утомился и был немного опечален прощанием с Венделлом, но мысли о радушии, которое он встретит, когда достигнет собственного порога, подгоняли его вперед.

Несколько раз он боялся заблудиться, потому что улиц, которыми он проходил, он не знал. Одна, по соседству, была необычайно изукрашенной, дома и припаркованные возле них машины были замечательнее, чем все, что он прежде видел. Другая улица выглядела настоящим пустырем, дома наполовину разрушены, повсюду валялся мусор. Но чувство направления служило ему хорошо. Когда восток стал бледнеть, а птицы принялись щебетать, он повернул на свою улицу. Усталые ноги рванулись от радости и принесли его к ступеням, запыхавшегося и готового упасть на руки родителей.

Он постучал в дверь. Сначала из дома не доносилось ни звука, что не удивило его, если иметь в виду, который час. Он постучал еще раз, и еще. Наконец свет зажегся и Харви услышал шаги.

«Кто там? — спросил его Папа из-за закрытой двери. — Вы знаете, сколько времени?»

«Это я», — сказал Харви.

Затем послышался звук засовов, отодвигаемых изнутри, и дверь со скрипом отворилась.

«Кто я?» — спросил мужчина в халате, рассматривая его.

Выглядит вполне доброжелательным, подумал Харви, но это не его отец. Это был гораздо более пожилой человек с почти белыми волосами и исхудалым лицом. У него были усы, которые давно не подстригали, и борозды морщин на лбу.

«Чего тебе надо?» — спросил он.

Прежде чем Харви смог ответить, раздался женский голос:

«Уходите от двери».

Харви еще не мог видеть, кому принадлежит второй голос, но разглядел тень в гостиной. С облегчением он понял, что это вовсе не его дом. Очевидно, он просто ошибся и постучал не в ту дверь.

«Простите, — сказал он, попятившись. — Я не хотел вас будить».

«Кого ты ищешь? — желал знать мужчина, теперь открывая дверь немного пошире. — Не

детишек Смитов?»

Мужчина принялся шарить в кармане и вытащил очки.

Он не может меня видеть отчетливо, подумал Харви, бедный старик.

Но до того, как очки достигли переносицы мужчины, за спиной его появилась женщина, и ноги Харви почти подогнулись, когда он ее увидел.

Она была стара, эта женщина, волосы почти такие же бесцветные, как и у ее мужа, а лицо даже еще более морщинистое и печальное. И все-таки Харви знал это лицо лучше, чем любое другое на свете. Это было самое любимое из лиц, какие он когда-нибудь любил. Это была его Мама.

«Мам?» — прошептал он.

Женщина посмотрела через открытую дверь на мальчика, стоящего у порога, и глаза ее наполнились слезами. Она едва смогла выдохнуть слово, которое произнесла затем.

«Харви?»

«Мам?.. Мам, это ты, да?»

Теперь мужчина надел свои очки и уставился сквозь стекла широко раскрытыми глазами.

«Это невозможно, — ровным голосом сказал он. — Это не может быть Харви».

«Это он, — ответила его жена. — Это наш Харви. Он пришел домой».

Мужчина покачал головой. «После стольких лет? — сказал он. — Теперь он должен быть мужчиной. Взрослым мужчиной. А это просто мальчик».

«Это он, говорю тебе».

«Нет! — ответил мужчина уже сердито. — Глупый розыгрыш. Кто-то опять хочет разбить наши сердца. Будто они и так не разбиты».

Он стал закрывать дверь, но Мама Харви удержала его.

«Посмотри, — сказала она. — Посмотри на одежду. В ней он был в ту ночь, когда нас покинул».

«Откуда ты знаешь?»

«Думаешь, я не помню?»

«Это было тридцать один год назад, — сказал Папа Харви, все еще глядя на мальчика у порога. — Этого не может быть... не может быть...» Он запнулся, узнавание медленно распространилось по его лицу. «О, Боже... — сказал он упавшим до хриплого шепота голосом, — это он, да?»

«Я говорила тебе», — ответила жена.

«Ты что-то вроде привидения?» — спросил он Харви.

«О, ради Бога, — сказала Мама. — Он не привидение!» И проскользнула мимо мужа на крыльцо. «Я не знаю, как такое возможно, но не беспокоюсь, — сказала она, раскрывая Харви объятия. — Я знаю только то, что наш маленький мальчик вернулся домой».

Харви не мог говорить. В его горле были слезы. Слезы были и в глазах. Все, что он смог сделать, — упасть в объятия матери. Чудесно было ощущать, как ее руки гладят его волосы и ее пальцы вытирают его щеки.

«О Харви, Харви, Харви, — всхлипывала она. — Мы думали, что никогда больше не увидим тебя». Она целовала его снова и снова. «Мы думали, ты ушел навсегда».

«Как такое возможно?» — все еще хотел знать Папа.

«Я молилась», — сказала Мама.

У Харви был другой ответ, хотя он и не высказал его. В тот момент, когда он увидел свою мать — столь изменившуюся и такую печальную, — ему мгновенно стало ясно, какой ужасный фокус сыграл со всеми ними Дом Худа. Ибо каждый день, проведенный там, был в реальном мире ушедшим годом. За одно утро, пока он играл в весеннем тепле, проходили месяцы. В полдень, пока он нежился на летнем солнце, то же самое. И те полные призраков сумерки, которые казались столь краткими, были еще одним поворотом месяцев, так же как и Рождественские ночи, полные снега и подарков.

Все они проскользнули столь беспечно. И хотя он повзрослел только на месяц, его Мама и Папа жили в печали тридцать один год, думая, что их маленький мальчик ушел навсегда.

Тому было подтверждение. Если бы он остался в Доме Иллюзий, привлеченный милыми удовольствиями, вся жизнь прошла бы здесь в реальном мире, и его душа стала бы собственностью Худа. Он присоединился бы к рыбам, кружащим, кружащим, кружащим в озере. Он содрогнулся от такой мысли.

«Ты замерз, золотко, — сказала Мама. — Заходи в дом».

Он громко шмыгнул носом и отер слезы тыльной стороной ладони.

«Я так устал», — произнес он.

«Я тотчас же постелю тебе постель».

«Нет, я хочу рассказать вам, что произошло, до того как пойду спать, — ответил Харви. — Это долгая история. Длиной в тридцать один год».

15

Новые кошмары

Оказалось, рассказать историю труднее, чем он ожидал. Хотя некоторые детали были ясны в его голове — первое появление Риктуса, потонувший ковчег, его с Венделлом побег, — было много больше, чего он не мог четко вспомнить. Как будто бы туман, через который он прошел, просочился в мысли и набросил покров на Дом и на то, что он содержал.

«Я помню, что разговаривал с тобой по телефону два или три раза», — сказал Харви.

«Ты не говорил с нами, дорогой», — ответила Мама.

«Значит это был просто еще один трюк, — сказал Харви. — Я должен был догадаться».

«Но кто подстраивал все эти трюки? — требовательно спросил Папа. — Если Дом существует

— я говорю если, — тогда тот, кто им владеет, похитил тебя и каким-то образом удержал от взросления. Может быть, он заморозил тебя...»

«Нет, — сказал Харви. — Там было тепло. Конечно, кроме тех моментов, когда падал снег».

«Но должно же быть какое-то здоровое объяснение».

«Оно есть, — ответил Харви. — Это волшебство».

Папа покачал головой. «Детский ответ, — сказал он. — А я больше не ребенок».

«Я знаю то, что знаю», — твердо сказал Харви.

«Это, дорогой, не очень много», — возразил Папа.

«Хотел бы я помнить больше».

Мама обняла его за плечи, успокаивая. «Не беспокойся, — сказала она, — мы поговорим об этом, когда ты отдохнешь».

«Ты бы смог отыскать этот Дом снова?» — спросил его Папа.

«Да, — ответил Харви, хотя по спине его пробежали мурашки при мысли о возвращении обратно. — Думаю, да».

«Тогда мы так и сделаем».

«Я не хочу, чтобы он возвращался туда», — сказала Мама.

«Мы должны знать, что Дом существует, прежде чем сообщим о нем в полицию. Ты же понимаешь, сын?»

Харви кивнул. «Звучит так, будто я все выдумал, я понимаю. Но это не так, я клянусь, не так».

«Давай же, радость моя, — сказала Мама. — Боюсь, твоя комната немного изменилась. Но она еще уютнее. Я хранила ее в таком виде, как ты оставил ее много-много лет назад. Я надеялась, что ты отыщешь дорогу домой. Потом я поняла, что если ты когда-нибудь действительно вернешься обратно, ты будешь взрослым мужчиной и не захочешь, чтобы она была украшена ракетами и попугаями. Поэтому мы пригласили дизайнеров. Теперь она совершенно другая».

«Не важно, — сказал Харви. — Это мой дом. И это все, что мне нужно».

Пока он днем спал в своей старой комнате, шел дождь, тяжелый мартовский дождь, который бил в окна и шлепал по подоконнику. Этот звук разбудил его. Он сел на кровати, со вздыбившимися на затылке волосами, и понял, что ему снилась Лулу. Бедная, пропавшая Лулу, тащившая свое изуродованное тело сквозь кусты, рукой-плавником стискивающая животных с ковчега, которых она выловила из грязи.

Мысль о ее несчастье была непереносимой. Как он мог когда-либо надеяться жить в мире, куда вернулся, зная, что она остается узницей Худа?

«Я отыщу тебя, — пробормотал он. — Отыщу, я клянусь...»

Затем он опять лег на холодную подушку и слушал звуки дождя до тех пор, пока сон не

подкрался к нему.

Вымотанный путешествиями и потерями, он не просыпался до следующего утра. Дождь прошел, настало время строить планы.

«Я принес карту всего Миллсэпа, — сказал Папа, кладя попку на кухонный стол и разворачивая ее. — Вот наш дом. — Он уже отметил это место крестом. — Ты помнишь название какой-нибудь улицы вокруг владений Худа?»

Харви покачал головой. «Я был слишком занят, когда убежал», — ответил он.

«А ты видел там какие-нибудь необычные здания?»

«Было темно и шел дождь».

«Значит, мы просто должны довериться счастливому случаю».

«Мы найдем, — сказал Харви. — Даже если поиски займут всю неделю».

Сказать было легче, чем сделать. Более тридцати лет прошло с тех пор, как он впервые прошел через город с Риктусом. Изменилось бесчисленное количество вещей. Новые площади и новые трущобы, новые машины на улицах и новые самолеты над головой. Так много всего, что сбивало Харви со следа.

«Я не знаю, где какая дорога, — признался Харви после того, как они искали полдня. — Ничего от той дороги, которую я помню».

«Продолжим поиски, — сказал Папа. — Все станет ясным».

Не стало. Они потратили остаток дня, бессмысленно бродя, надеясь, что какой-нибудь вид всколыхнет память. Но только испытали разочарование. Снова и снова на какой-нибудь площади или улице Харви говорил:

«Может, это».

И они направлялись в ту или другую сторону лишь для того, чтобы обнаружить: след уже остыл.

Тем вечером Папа расспрашивал его опять.

«Если бы ты мог вспомнить, на что похож Дом, — заявил он. — Я мог бы описать его людям».

«Он большой, это я помню. И старый. Я уверен, что очень старый».

«А ты можешь нарисовать его?»

«Могу попытаться».

Именно так он и поступил. И хотя был не слишком силен в рисовании, рука его, казалось, помнила больше, чем его голова, потому что через полчаса он изобразил Дом во множестве деталей. Папе это понравилось.

«Завтра возьмем рисунок с собой, — сказал он. — Может, кто-нибудь узнает».

Но следующий день разочаровал точно так же, как и предыдущий. Никто не знал Дома,

нарисованного Харви, и не знал ничего даже отдаленно похожего на него. К концу дня Папа потерял терпение.

«Это бесполезно! — сказал он — Я опросил чуть ли не пятьсот человек, и ни один из них — ни один — даже смутно не узнал этого места».

«Ничего удивительного, — ответил Харви. — Не думаю, что кто-нибудь из тех, кто видел Дом, кроме меня и Венделла, сбежал».

«Мы должны просто все сообщить полиции, — сказала Мама. — И пусть они этим занимаются».

«И что мы скажем? — спросил Папа, повышая голос. — Что мы думаем, будто где-то здесь существует Дом, который прячется в тумане и волшебством похищает детей? Нелепость!»

«Успокойся, успокойся, — сказала Мама. — Поговорим после, когда поедим».

Они потащились домой, поели и вновь обсудили проблему, но не пришли ни к какому решению. Мистер Худ в течение долгих лет тщательно расставлял ловушки, защищая себя от законов реального мира. Находясь в безопасности, за туманами своих иллюзий, он, возможно, уже нашел двух новых, ни о чем не ведающих узников, чтобы заменить Харви и Венделла. Казалось, зло будет длиться, не раскрытое и не наказанное.

На следующий день Папа заявил:

«Поиск завел нас в никуда. Надо его прекратить».

«Ты собираешься в полицию?» — спросила его жена.

«Да. И они захотят, чтобы Харви рассказал все, что он знает. Это будет трудно, сын».

«Они не поверят мне», — сказал Харви.

«Вот почему я сначала хочу с ними поговорить, — сказал Папа. — Я найду кого-нибудь, кто выслушает».

Он ушел вскоре после завтрака с выражением беспокойства на лице.

«Это я виноват, — сказал Харви Маме. — Мы потеряли все это время, которое могли бы провести вместе, просто потому что я скучал».

«Не вини себя, — ответила она. — Нас всех охватывает искушение делать вещи, о которых рано или поздно мы сожалеем. Иногда из-за неправильного выбора мы совершаем ошибки».

«Я только хочу знать, как переделать это», — объяснил Харви.

Потом Мама отправилась по магазинам и оставила Харви с его навязчивой идеей. Существовал ли какой-нибудь способ исправить нанесенный вред? Вернуть обратно похищенные годы и прожить их здесь, с людьми, которые любят его и которых он в свою очередь горячо любит?

Он сидел у окна своей спальни, пытаясь разрешить проблему, когда увидел жалкую фигурку на углу улицы. Он рывком распахнул окно и завопил:

«Венделл! Венделл, я здесь!»

Затем он опустился вниз по лестнице. Когда он отворил дверь, его друг был на ступеньках с красным и мокрым от слез и пота лицом.

«Что происходит? — спросил он. — Все изменилось». Его слова перемежались всхлипами. «Мой папа развелся с моей мамой и моя мама такая старая, Харви, и толстая, как дом». Он вытер текущие сопли тыльной стороной ладони и громко шмыгнул носом. «Кто знал, что так будет? — сказал он. — Да?»

Харви изо всех сил попытался объяснить, как Дом обманул их, но Венделл не был расположен к теоретизированию. Он просто хотел, чтобы кошмар закончился.

«Пусть все будет таким, как было», — заскулил он.

«Мой Папа пошел в полицию, — сказал Харви. — Он собирается рассказать им все».

«Ничего они не сделают, — безнадежно промямлил Венделл. — Они никогда не найдут Дом».

«Ты прав, — согласился Харви. — Я ходил искать его с Мамой и Папой. Все бесполезно. Дом прячется».

«Да он и обязан прятаться от них, тупица, — завопил Венделл. — Ему не нужны взрослые».

«Ты прав, — опять согласился Харви. — Дом хочет детей, и, клянусь, он хочет тебя и меня больше, чем когда-либо».

«Почему ты так считаешь?»

«Он уже владел нами. Он почти съел нас живьем».

«Значит, ты считаешь, он вошел во вкус?»

«Я в этом уверен».

Венделл какое-то время разглядывал свои ноги.

«Ты думаешь, мы должны вернуться, да?»

«Я думаю, что взрослые — мой Папа, моя Мама или даже полиция — никогда не смогут отыскать Дом. Если мы хотим вернуть все эти годы, мы должны вернуть их сами».

«Мне не слишком нравится эта мысль», — признался Венделл.

«И мне тоже», — сказал Харви, думая, пока тот говорил, что должен оставить записку Маме и Папе, чтобы они не считали его возвращение обыкновенным сном. «Мы должны идти, — сказал он. — У нас нет выбора».

«Итак, когда отправляемся?»

«Сейчас! — угрюмо заявил Харви. — Мы уже и так потеряли слишком много времени».

16

Обратно в счастливую землю

Это было так, как будто Дом знал, что они возвращаются, и звал их. Лишь только они ступили на улицу, их ноги, казалось, узнали дорогу. Все, что они должны были делать, — позволять

вести себя.

«А что мы сделаем, когда попадем туда? — хотел знать Венделл. — Я имею в виду, что мы едва спаслись в прошлый раз...».

«Миссис Гриффин нам поможет», — сказал Харви.

Дыхание Венделла участилось. «А если Карна откусил ей голову?» — спросил он.

«Тогда мы должны все сделать сами».

«Что сделать?»

«Найти Худа».

«Но ты сказал, что он мертв».

«Не думаю, что быть мертвым много значит для такого создания! Он где-то в доме, Венделл, и мы должны его выследить, хочется нам или нет. Он тот, кто похитил все эти годы. И мы не получим их обратно, пока с ним не встретимся».

«Просто у тебя все получается», — сказал Венделл.

«Дом — ящик с фокусами, — напомнил ему Харви. — Времена года, подарки. Сплошные иллюзии. Мы должны быть упорными».

«Харви, погляди».

Венделл указывал пальцем. Харви с первого взгляда узнал улицу. Тридцать три дня назад он стоял здесь с Риктусом и прислушивался к искусителю, говорившему, что за прекрасное место находится по другую сторону туманной стены.

«Значит, это она», — сказал Харви.

Странно, но Харви не чувствовал страха, даже несмотря на то, что они шли прямо в руки врага. Лучше встретиться с Худом и его иллюзиями лицом к лицу теперь, чем провести остаток жизни, размышляя о Лулу и оплакивая годы, которые потерял.

«Ты готов?» — спросил он Венделла.

«Прежде чем мы пойдем, — ответил его друг, — не можем ли мы прояснить всего одну вещь? Если Дом только иллюзия, тогда как же так было, что мы ощущали холод? И как получилось, что я растолстел, поедая пироги миссис Гриффин, и...»

«Не знаю, — отрезал Харви. Сомнение провело холодным пальцем вдоль его позвоночника. — Я не могу объяснить, как действует волшебство Худа. Все, что я знаю, — он забрал эти годы, чтобы прокормить себя».

«Прокормить?»

«Ага. Как... как... как вампир».

Именно сейчас Харви впервые подумал так о Худе, но это было инстинктивно верно. Кровь это жизнь, а жизнь то, чем кормился Худ. Он был вампиром, совершенно точно. Возможно, королем среди вампиров.

«Значит, нам не надо иметь кола, или святой воды, или чего-то такого?»

«Это только в сказках», — сказал Харви.

«Но если он погонится за нами...»

«Мы будем бороться».

«Бороться с чем?»

Харви пожал плечами. Правда состояла в том, что он не знал. Но он был уверен, что кресты и молитвы будут бесполезны в битве, которая ждала впереди.

«Больше никаких разговоров, — прервал он Венделла. — Если не хочешь идти, не ходи».

«Я так не говорил».

«Отлично», — сказал Харви и шагнул в туман.

Венделл следовал за ним по пятам, и как только Харви шагнул в стену, ухватился за его рукав, следовательно, они вошли, как и вышли, — вместе.

Туман сомкнулся вокруг них, будто пропитанное водой одеяло, тяжело давя на их лица, и Харви уже решил, что туман намерен раздавить их. Но на самом деле туман только хотел, чтобы не изменились их намерения. Через мгновение дрожь прошла по его складкам, и они очутились на другой стороне.

В царстве Худа был разгар лета: ленивый сезон. Солнце, по другую сторону тумана спрятавшееся за дождевыми тучами, здесь светило на Дом и на то, что цвело вокруг него. Деревья раскачивались под ароматным ветерком, двери и окна Дома, крыльцо и дымовые трубы — все блестело, словно свежеекрашенное.

Карнизы приветственно гремели, радушные гостеприимные запахи доносились из кухни, приветливый смех летел из раскрытой двери. Добро пожаловать, добро пожаловать слышалось повсюду.

«Я забыл...» — прошептал Венделл.

«Что забыл?»

«Как... он прекрасен».

«Не верь ему, — сказал Харви. — Это только иллюзия, помнишь? Все это».

Венделл не ответил, но побрел к деревьям. Льстивый ветерок овеивал его, словно бы подталкивая. Венделл не противился, а шел туда, куда вел ветерок, в испещренную пятнами тень.

«Венделл, — напомнил Харви, следуя за ним через лужайку. — Мы должны держаться друг друга».

«Я забыл о доме на дереве, — мечтательно произнес Венделл, глядя вверх. — Нам было так здорово здесь, правда?»

«Нет, — сказал Харви, который поклялся себе, что не позволит прошлому отвлечь его от его цели. — Я не помню».

«Да, помнишь, — сказал Венделл, улыбаясь от уха до уха. — Мы так много потрудились там, наверху. Я собираюсь подняться и взглянуть, как он выглядит».

Харви схватил его за руку.

«Нет, не поднимешься».

«Нет, поднимусь, — огрызнулся Венделл, выкручивая свою руку из захвата Харви. — Я могу делать все, что пожелаю. Ты мне не хозяин»

По его остекленевшим глазам Харви увидел, что Дом уже включил свое соблазнительное волшебство. Он знал, что все только дело времени и его собственное сопротивление может истощиться. А что потом? Совсем ли он забудет о своем деле здесь и станет пустоголовым мальчиком, гогочущим как гусь, пока его душу будут высасывать?

«Нет! — сказал он вслух. — Я не позволю тебе сделать это!»

«Что сделать?» — спросил Венделл.

«У нас есть дело, ради которого мы пришли!» — сказал ему Харви.

«Какая разница?» — ответил Венделл.

«Для меня есть. И для тебя разница была пять минут назад. Вспомни, что он сделал с нами, Венделл».

Ветер в деревьях, казалось, при этом вздохнул.

«Ааахх...» — произнес он, будто теперь поняв цель Харви и отправившись донести свою догадку до ушей мистера Худа.

Харви не боялся. Это даже доставляло ему удовольствие.

«Давай, — сказал он, когда порывы ветра полетели в сторону Дома. — Скажи ему! Скажи ему!» Он повернулся к Венделлу. «Ты идешь? — спросил он. — Или мне идти одному?»

«Я ничего не имею против того, чтобы зайти, — радостно сказал Венделл. — Я голоден».

Харви мрачно уставился на Венделла. «Разве ты не помнишь ничего, о чем мы говорили снаружи?» — потребовал он.

«Конечно, помню, — ответил Венделл. — Мы говорили, что собираемся... — Он замолк, нахмурившись. — ...собираемся... собираемся...»

«Это место похитило время, принадлежавшее нам, Венделл».

«Как оно это сделало? — сказал Венделл все еще сильно хмурясь. — Это просто... просто... — Он вновь запнулся, подыскивая слова. — Просто такой чудесный день». Хмурость стала опять исчезать и ее сменила широкая улыбка. «Какая разница? — сказал Венделл. — Я имею в виду, в такой день, какая разница? Давай просто развлекаться!..»

Харви покачал головой. Он терял здесь драгоценное время, а это было именно тем, чего хотели Худ и Дом. Вместо того, чтобы расходовать слова на Венделла, он повернулся на каблуках и направился к входной двери.

«Подожди меня! — завопил Венделл — Ты чувствуешь запах пирога?»

Венделл чувствовал и хотел бы набить живот какой-нибудь едой до того, как начнет свое рискованное мероприятие. Но Харви знал, что все эти вкусные запахи были частью репертуара Худа, и этого знания было достаточно, чтобы рот его прекратил увлажняться, а желудок ныть.

Он только подумал о пыли, в которую превратились животные с ковчега. Пирог на кухонном столе, возможно, был сделан из того же противного вещества, скрывающегося под поддельной свежестью. Харви изо всех сил держался за эту мысль, зная, что Дом, куда он готов ступить, будет полон подобных уговоров.

С Венделлом, вновь плетущимся сзади на расстоянии шага, он забрался на ступени крыльца и зашел в Дом. В тот момент, когда оба были внутри, дверь за ними захлопнулась. Харви повернулся, по коже его побежали мурашки. Это не ветер рывком закрыл дверь.

Это был Риктус.

17

Повариха, кошка и гроб

«Великолепно, что вы вернулись обратно, мальчик, — сказал Риктус с такой же, как обычно, широкой улыбкой. — Я всем говорил, что ты не сможешь находиться вдалеке. Никто мне не верил. Он ушел, убеждали меня, он ушел. Но мне было лучше известно. — Он начал передвигаться в сторону Харви. — Я знал, что ты не удовлетворишься коротким визитом... нет, ведь впереди еще так много развлечений».

«Я голоден», — проскулил Венделл.

«Помоги себе сам!», — ухмыльнулся Риктус. Венделл по-спринтерски рванулся на кухню. «Ого-го, ого-го, ого-го! — закричал он. — Погляди на всю эту еду».

Харви не отвечал.

«Ты не голоден? — спросил Риктус, поднимая брови выше очков. Он приложил сложенную лодочкой ладонь к уху. — Слышу звук пустого желудка».

«Где миссис Гриффин?» — спросил Харви.

«О... она поблизости, — с озорством сказал Риктус. — Но она стареет. В эти дни она подолгу находится в постели, поэтому мы положили ее кое-куда в целости и сохранности».

Пока он говорил, из гостиной послышалось мяуканье и у двери оказалась Стью Кэт. Риктус нахмурился. «Убирайся отсюда, киска! — выплюнул он. — Разве ты не видишь, что у нас разговор?»

Но Стью Кэт не испугалась. Она прошествовала к Харви и потерлась о его ноги.

«Чего ты хочешь?» — спросил Харви, присаживаясь на корточки, чтобы ее погладить. Она громко замурлыкала.

«Хорошо. Превосходно. Первоклассно, — сказал Риктус, меняя гнев на свежеотполированную улыбку. — Тебе нравится кошка. Кошке нравишься ты. Все счастливы».

«Я не счастлив», — сказал Харви.

«Это почему?»

«Я оставил здесь все мои подарки и не знаю где».

«Нет проблем, — сказал Риктус. — Я их отыщу».

«Ты это сделаешь?» — спросил Харви.

«Будь уверен, малыш, — заявил Риктус, убежденный в том, что его обаяние вновь сработало. — Вот для чего мы здесь: давать все, что пожелает твое сердце».

«Я думаю, может, я оставил их наверху, в моей спальне», — предположил Харви.

«Знаешь, кажется, я их там видел, — ответил Риктус. — Оставайся прямо здесь. Я скоро вернусь».

Он побежал, перепрыгивая через две-три ступеньки и немзыкально насвистывая сквозь зубы. Харви подождал, когда тот исчезнет из виду, затем отправился проведать Венделла, давая возможность Стю Кэт ускользнуть.

«Ах ну, посмотрите же!» — раздался голос, когда он появился в дверях кухни.

Это был Джайв. Он стоял у плиты, такой же живой, как обычно, рукой жонглируя яйцами, а другой подбрасывая печенье в кастрюле.

«О чем ты мечтаешь? — поинтересовался он. — О сладком или о соленом?»

«Ни о том, ни о другом», — ответил Харви.

«Все отлично, — просвистел Венделл. Он был почти скрыт стеной наполненных тарелок. — Попробуй пирожки. Они великолепны!»

Харви испытывал жестокое искушение. Буфет выглядел изумительно. Буфет искушал. Но ведь он должен помнить — это всего лишь пыль.

«Может, попозже», — сказал он, отводя глаза от груд пропитанных сиропом вафель и кубков мороженого.

«Ты куда?» — хотел знать Джайв.

«Мистер Риктус ищет для меня несколько подарков», — сказал Харви.

Джайв довольно улыбнулся. «Значит, малышок, все по-старому идет, а совсем не наоборот! — воскликнул он. — Хорошо тебе!»

«Мне хотелось сюда», — ответил Харви.

Он не стал медлить, иначе бы Джайв увидел по его глазам, что он лжет. Нет, Харви быстро повернулся и направился обратно в коридор. Стю Кэт все еще была там и глядела на него.

«Что такое?» — спросил он.

Кошка двинулась к лестнице, затем остановилась и взглянула назад.

«Хочешь что-то показать мне?» — прошептал Харви.

При этом кошка опять пошла вперед. Харви последовал за ней, ожидая, что она поведет его наверх. Но прежде чем она достигла низа лестницы, она повернула налево и провела Харви по узкому проходу к двери, о которой он прежде не знал.

Харви подергал ручку, но дверь была заперта. Повернувшись, чтобы поискать Стю Кэт, Харви обнаружил, что она трется своей изогнутой спиной о ножку маленького стола,

стоявшего поблизости. На столе находился резной деревянный ящик. В ящике был ключ.

Харви пошел обратно к двери, отпер ее и распахнул. Перед ним находился лестничный пролет. Деревянные ступени вели вниз, во тьму, откуда поднимался кислый сыроватый запах. Харви не решился бы спуститься, если бы Стью Кэт не продолжала манить его во мрак.

Касаясь пальцами сырых стен слева и справа от себя, он следовал за Стью Кэт вниз, считая ступени, пока шел. Их было пятьдесят две, и к тому времени, как он спустился, глаза почти привыкли к темноте. Погреб был пещеристый, но пустой, за исключением беспорядочно разбросанных камней и большого деревянного ящика, который стоял в пыли примерно в дюжине ярдов от Харви.

«Что это?» — шепотом спросил он у Стью Кэт, понимая, что кошка не может ответить, и тем не менее надеясь на какой-нибудь знак.

Единственным ответом Стью Кэт было то, что она побежала к ящику, мягко вспрыгнула на него и принялась царапать дерево.

Любопытство Харви оказалось сильнее страха и все-таки не настолько сильным, чтобы он бросился открывать крышку. Он подошел так, словно ящик был каким-то спящим зверем, которым, Харви знал в точности, тот и был. Чем ближе он подходил к ящику, тем больше тот напоминал грубо обструганный гроб. Но разве гроб запирают на всячий замок? Не туда ли положили Карну после того, как зверь притащил свое раненое тело домой? Может, теперь он прислушивается к тому, как Стью Кэт царапает крышку, и ждет освобождения?

Когда же Харви приблизился к гробу, в глаза ему бросилась завязка фартука, свисавшая из ящика и оставленная так тем, кто ящик запер. Харви знал только одного человека в Доме, который носил фартук.

«Миссис Гриффин! — шепнул он, просовывая ногти под крышку. — Миссис Гриффин! Вы там?»

Изнутри раздался глухой стук.

«Я вас выпущу», — пообещал он, дергая крышку во всю мочь.

У него не хватало сил сломать замок. В отчаянье он начал обыскивать погреб, ища какой-нибудь инструмент, нашел два подходящих по размеру камня, поднял и вернулся к гробу.

«Придется пошуметь», — предупредил он миссис Гриффин.

Затем используя один камень как зубило, второй как молоток, он ударил по замку. Голубые искры летели, когда он бил по металлу, но, казалось, без всякого успеха, и вдруг совершенно неожиданно замок затрещал и упал на землю.

Харви на минуту замер, опять вернулись прежние сомнения. А может, это был гроб Карны? Затем он отшвырнул камни и поднял крышку.

Харви почти вскрикнул, увидев, в каком ужасном состоянии была бедная миссис Гриффин. Она смотрела на него обезумевшими глазами, волосы выдраны клочьями, лицо фиолетовое от синяков. Рот забит вонючей тряпкой, которую Харви осторожно убрал. Тогда миссис Гриффин смогла говорить хриплым шепотом.

«Спасибо, мой дорогой, спасибо, — сказала она. — Но... ты не должен был возвращаться. Здесь слишком опасно».

«Кто это с вами сделал?»

«Джайв и Риктус».

«А приказ отдал он, не так ли? — спросил Харви, помогая ей подняться. — Не говорите мне, что он мертв, я ведь знаю, что это неважно. Худ здесь, в Доме, правда?»

«Да, — сказала она, держась за Харви, пока вылезала из ящика. — Да, он здесь. Но не так, как ты думаешь...» Она начала всхлипывать, слезы мешали словам.

«Все в порядке, — утешил ее Харви. — Все будет хорошо».

Она подняла руки и прикоснулась к лицу, мокрому от слез. «Я думала... Я думала, я никогда больше не заплачу, — сказала она. — Погляди, что ты наделал!»

«Простите», — ответил Харви.

«О, нет, моя радость, не извиняйся. Это изумительно. — Она улыбнулась сквозь слезы. — Ты разрушил проклятие, висевшее надо мной».

«Какое проклятие?»

«О, это долгая история».

«Расскажите».

«Я была самым первым ребенком, пришедшим в Дом Худа, — сказала она. — Это случилось много-много лет назад. Мне было девять, когда я впервые переступила этот порог. Видишь ли, я убежала из дома».

«Почему?»

«Моя кошка умерла, а мой отец отказался купить мне другую. И что, по-твоему, дал мне Риктус в тот самый день, когда я прибыла?»

«Трех кошек?» — спросил Харви.

«Ты же знаешь, как действует этот Дом, не так ли?»

Харви кивнул. «Он дает все, чего ни пожелаешь».

«Я хотела иметь кошек, дом и...»

«Что?»

«Другого отца. — Она содрогнулась от страха, вспоминая. — Той ночью я встретила Худа. По крайней мере услышала его голос».

Стью Кэт подошла к ее ногам, и миссис Гриффин прервала рассказ, чтобы наклониться и взять кошку на руки.

«Где вы услышали его?» — спросил Харви.

"На чердаке, наверху Дома. И он сказал мне: «Если ты останешься здесь навеки, ты никогда не умрешь. Ты станешь старой, но будешь жить до скончания времен и никогда не заплачешь снова».

«И это то, чего вы хотели?»

«Это глупо, но так. Да, я хотела. Я боялась, видишь ли. Боялась быть положенной в землю, как моя кошка. — Нахлынула новая волна слез, они покатались по ее бледным щекам. — Я бежала от смерти...»

«Прямо в ее Дом», — добавил Харви.

«О нет, дитя, — сказала миссис Гриффин. — Худ это не Смерть. — Она вытерла слезы, будто для того, чтобы яснее видеть Харви. — Смерть вещь естественная. А Худ нет. Теперь бы я с радостью пригласила Смерть как друга, которого я прогнала от своей двери. Я слишком многое видела, мой хороший. Слишком много времен года, слишком много детей...»

«Почему вы не попытались остановить его?»

«Я перед ним бессильна. Все, что я могла сделать, — дать детям, которые приходили сюда, как можно больше счастья».

«Сколько вам лет?» — спросил ее Харви.

"Кто знает? — ответила она, прижимаясь щекой к меху Стю Кэт. — Я старею и старею по прошествии дней, но течение времени, кажется, потеряло надо мною власть. Иногда мне бы хотелось спросить какого-нибудь ребенка:

«Какой год в мире за стеной?»

«Я могу сказать вам».

«Не надо, — ответила она, прижимая палец к губам. — Я не хочу знать. Это будет слишком больно».

«Так чего же тогда вы хотите?»

«Умереть, — сказала она со слабой улыбкой. — Выскользнуть из этой оболочки и отправиться к звездам».

«Это происходит так?»

«Я в это верю, — сказала она. — Но Худ не позволит мне умереть. Никогда. Это будет его мстью мне за то, что я помогла вам бежать. Худ уже убил Блю Кэт, потому что она показала дорогу наружу».

«Худ выпустит вас, — произнес Харви. — Обещаю. Я собираюсь заставить его».

Она покачала головой. «Ты так храбр, моя радость, — сказала она. — Но он не даст уйти никому из нас. Внутри него такая ужасная пустота. Он хочет заполнить ее душами, но это провал. Бездонный провал...»

«...и вы оба направляетесь туда, — раздался маслянистый голос. Говорила Марр. Она ползла вниз по лестнице. — Мы искали тебя и тут и там, — сказала она Харви. — Тебе лучше пойти со мною, детка».

Она протянула руки к Харви. Он слишком хорошо помнил о ее превращающем прикосновении. «Пойдем! Пойдем! — сказала она. — Я все еще могу избавить тебя от неприятностей, если ты позволишь сделать из тебя нечто покорное. Он любит покорных, он, мистер Худ. Блох, червей, паршивых собачонок. Иди ко мне, детка! Живо».

Харви оглядел подвал. Другого выхода не было. Для того чтобы вывести миссис Гриффин на солнце, ее надо было провести по лестнице, но на пути стояла Марр.

Харви сделал шаг в ее сторону. Она улыбнулась беззубой улыбкой.

«Хорошо, детка, хорошо», — сказала она.

«Не надо, — попросила миссис Гриффин. — Она сделает тебе больно».

«Цыц, женщина! — сказала Марр. — Мы считаем, что в следующий раз придется эту крышку забить гвоздями!» Ее сальные зеленые глаза устремились опять на Харви. «Он знает, что для него хорошо. Не так ли, мальчик?»

Харви не ответил. Он просто продолжал наступать на Марр, чьи пальцы росли, словно рога улитки, вытягивались, чтобы вцепиться ему в лицо.

«Ты был таким послушным мальчиком, — продолжала Марр. — Может, я, в конечном счете, и не превращу тебя в червяка. Кем бы тебе хотелось стать? Скажи мне. Скажи, что у тебя на сердце...»

«Не беспокойся о моем сердце, — ответил Харви, придвигаясь к Марр. — Как насчет твоего?»

На лице Марр отразилось изумление. «Моего?» — переспросила она.

«Да, — сказал Харви. — Чем ты мечтаешь быть?»

«Я никогда не мечтаю», — заявила она с вызовом.

«Ты должна постараться, — сказал ей Харви. — Если ты можешь превратить меня в червяка или в летучую мышь, что ты можешь сделать для себя?»

Вызов на ее лице стал озадаченностью, а озадаченность превратилась в панику. Ее вытянутые пальцы стали втягиваться обратно. Однако Харви кинулся с быстротой молнии и переплел свои пальцы с ее.

«Чем ты хочешь быть? — спросил он ее. — Думай».

Она начала бороться, и он ощутил, что ее волшебство хлынуло из ее пальцев в его, пытаясь его изменить. Но он больше не хотел стать летучей мышью-вампиром и явно не желал стать червяком. Он был вполне счастлив, будучи собой. Волшебство, следовательно, не имело над ним власти, вместо этого оно потекло обратно в Марр, которая начала дрожать словно погружалась в ледяную воду.

«Что... ты... делаешь?» — произнесла она.

«Скажи мне, что в твоём сердце», — сказал он, возвращая ей ее приглашение.

«Я не разговариваю с тобой!» — ответила она, все еще силясь высвободить свои пальцы.

Но она не привыкла к тому, чтобы ее жертвы сопротивлялись подобным образом. Мускулы ее были дряблыми и слабыми. Она тянула и тянула пальцы, но не могла освободиться.

«Оставь меня в покое! — потребовала она. — Если ты сделаешь мне плохо, мистер Худ снимет с тебя голову».

«Я не причиню тебе вреда, — сказал Харви. — Я просто хочу дать тебе почувствовать твои мечты, как ты даешь мне чувствовать мои».

«Я не хочу!» — завопила она, борясь более отчаянно, чем прежде.

Он не отпустил ее. Вместо этого он все ближе и ближе придвигался к ней, будто для того, чтобы охватить ее руками. Она начала плевать — огромными слизистыми плевками — но он утирал лицо и продолжал приближаться.

«Нет... — начала бормотать она, — нет...»

Но не смогла сдержать приготовленное волшебство и оно заработало над ее собственными кожей и костями. Ее жирное лицо начало размягчаться и побежало как плавящийся воск, тело принялось оседать в своей рваной одежде — по полу потекла зеленоватая каша.

«О... — всхлипнула Марр, — ты проклятый ребенок...»

Что за мечта была такая, удивился Харви, что превращала Марр в студень? Она становилась все меньше и меньше, одежда соскальзывала, пока тело сжималось, голос утончился. До полного ее исчезновения оставались считанные секунды.

«О чем же ты мечтаешь?» — спросил Харви, когда пальцы Марр начали сбегать меж его пальцев подсоленной водичкой.

«Я мечтала ни о чем... — ответила Марр, глядя проваливающимся в расплывающийся череп глазами, — и это... то... чем... я... становлюсь...» Она почти затерялась в складках собственной одежды. «Ни о чем... — повторила Марр. Она теперь была не более, чем грязной лужицей, лужицей с исчезающим голосом. — Ни о чем...»

Затем она исчезла, пожранная собственным волшебством.

«У тебя получилось! — сказала миссис Гриффин. — Дитя, у тебя получилось!»

«Одна исчезла, трое осталось», — ответил Харви.

«Трое?»

«Риктус, Джайв и сам Худ».

«Ты забыл о Карне».

«Он все еще жив?»

Миссис Гриффин кивнула. «Боюсь, его крики я слышу каждую ночь. Он жаждет возмездия».

«А я хочу обратно свою жизнь, — сказал Харви, беря миссис Гриффин за руку и провожая ее (все еще несущую Стью Кэт) к подножию лестницы. — Я собираюсь ее забрать, миссис Гриффин. Чего бы это ни стоило, я собираюсь ее получить».

Миссис Гриффин посмотрела на груды одежды, которая отмечала то место, где Марр ушла в ничто.

«Может, тебе удастся, — сказала она с удивлением в голосе. — Из всех детей, какие только приходили сюда, ты, возможно, единственный, кому под силу одолеть Худа в его собственной игре».

Риктус подждал на вершине лестницы. Его улыбка была сладкой. Слова нет.

«Теперь ты — убийца, мой маленький, — сказал он. — Тебе нравится чувствовать кровь Марр на своих руках?»

«Он ее не убивал, — сказала миссис Гриффин. — Она никогда не жила. Ни один из вас никогда не жил».

«Тогда что мы такое?» — спросил Риктус.

«Иллюзии, — заявил Харви, подталкивая миссис Гриффин с кошкой на руках мимо Риктуса к парадной двери. — Это все иллюзии».

Риктус следовал за ними, безумно подхихкивая.

«Чего такого забавного?» — спросил Харви, открывая дверь, чтобы выпустить миссис Гриффин на солнце.

«Ты! — ответил Риктус. — Ты думаешь, что знаешь все, но ты не знаешь мистера Худа».

«Узнаю немного позже, — сказал Харви. — Идите, погрейтесь, — обратился он к миссис Гриффин. — Я вернусь».

«Будь осторожен, дитя», — попросила она.

«Буду», — пообещал он ей и закрыл дверь.

«Ты странный», — сказал Риктус с немного угасшей улыбкой. Его лицо, когда не ослепляли зубы, походило на маску из теста. Две проковырянные пальцами дыры вместо глаз и катышек вместо носа.

«Я могу высосать твой мозг через уши», — сказал он, вся музыкальность ушла из его голоса.

«Наверное, можешь, — ответил Харви. — Но не собираешься».

«Почему ты так думаешь?»

«Потому что я приглашен твоим хозяином».

Он направился к лестнице, но до того как ее достиг, к нему метнулась темная фигура. Это был Джайв, и он нес блюдо с яблочным пирогом и мороженым.

«Идти долго, — сказал он. — Сначала закинь что-нибудь в желудок».

Харви посмотрел на блюдо. Золотисто-коричневый пирог был присыпан сахаром, мороженое подтаяло и лежало в сладком белом озерке. Вид очень заманчивой.

«Давай, — сказал Джайв. — Ты заслужил угощение».

«Нет, спасибо», — ответил ему Харви.

«Почему нет? — хотел знать Джайв, повернувшись на каблучке вокруг своей оси. — Он легче, чем я».

«А из чего сделан этот пирог?» — спросил Харви.

«Из яблок, корицы и...»

«Нет, — возразил Харви. — Я знаю, из чего он сделан на самом деле».

Он опять взглянул на пирог, и на миг ему показалось, что он увидел самую суть — увидел серую пыль и прах, из которых была сотворена иллюзия.

«Ты думаешь, он отравлен? — спросил Джайв. — Так?»

«Возможно», — ответил Харви, все еще глядя на пирог.

«А вот и нет! — сказал Джайв. — Я тебе докажу!»

Харви услышал за спиной предупреждение Риктуса, которое не услышал Джайв. Он окунул пальцы в пирог и мороженое, а затем опустил их в рот одним быстрым движением. Когда он закрыл рот, Риктус сказал:

«Не глотай!»

И снова слишком поздно. Джайв сглотнул. Через мгновение Джайв выронил тарелку и начал бить себя кулаками по животу, словно собираясь выгнать еду обратно. Но вместо полупережеванного пирога изо рта его вырвалась туча пыли. Затем еще одна, затем еще одна.

Почти ослепленный, Джайв вцепился в горло Харви.

«Что... ты... сделал?» — прокашлял он.

Харви не представляло труда сбросить его с себя.

«Это все пыль, — сказал он. — Грязь, пыль и прах! Вся еда! Все подарки! Все!»

«Помогите мне! — пробормотал Джайв, царапая ногтями щеки и губы. — Кто-нибудь, помогите мне!»

«Теперь тебе не помочь!» — раздался торжественный голос.

Харви оглянулся. Говорил Риктус. Он пятился по коридору с руками, прижатыми к лицу. Он глядел сквозь пальцы на Джайва, и зубы его клацали, когда он объявил ужасную правду. «Тебе не следовало есть этого пирога, — сказал он. — Пирог напомнил твоему животу, из чего ты сделан».

«Из чего?» — спросил Джайв.

«Из того, из чего сказал мальчик! Из грязи и праха!»

Джайв откинул голову назад при этом завывая: «Нееет!» Но даже тогда, когда он раскрыл рот, чтобы отрицать очевидное, правда вышла наружу. Сухая пыль потоком бежала из его глотки и текла ему на пальцы. Это было подобно роковому сообщению, отправленному одной частью тела другой. Прикоснувшись к пыли, пальцы его тоже начали крошиться, а когда они упали, шорох разложения распространился на его бедра, колени и ступни.

Джайв стал падать на землю, но в финальном пируэте повернулся кругом и схватился за

перила.

«Спасите меня! — вопил он, глядя на верх лестницы. — Мистер Худ, вы меня слышите? Пожалуйста! Пожалуйста, спасите меня!»

Теперь под ним крошились ноги, но он не собирался сдаваться. Он потащил свое тело вверх по ступенькам, все еще вопя, чтобы мистер Худ исцелил его. Однако с высот Дома не было ответа, не долетало теперь ни звука и от Риктуса. Только мольбы и хриплое дыхание Джайва, и шорох пыли, когда она сбегала вниз по ступеням из опустошающегося мешка его тела.

«Что происходит?» — спросил Венделл, появляясь из кухни с кетчупом, размазанным вокруг рта.

Он уставился на облако пыли, висевшее над ступенями, не имея возможности разглядеть создание в ее сердцевине. Харви, однако, находился ближе к облаку и потому был свидетелем последних ужасных мгновений Джайва. Умиравшее создание потянулось к верху лестницы рукой с почти отсутствующими пальцами, все еще надеясь — даже когда его жизнь медленно уплывала прочь, — что его создатель придет его спасти. Затем Джайв опустился на ступени и его последние жалкие кусочки рассыпались.

«Кто-нибудь выбивал ковры?» — спросил Венделл, когда пыль осела.

«Двумя меньше», — пробормотал себе под нос Харви.

«Что ты говоришь?» — хотел знать Венделл.

Прежде чем ответить, Харви оглянулся на коридор, ища Риктуса. Но третий слуга Худа исчез. «Не важно, — сказал Харви. — Ты закончил есть?»

«Ага». «Еда была хорошей?»

Венделл ухмыльнулся.

«Ага».

Харви покачал головой.

«Что это значит?» — хотел знать Венделл.

Харви готов был сказать: это значит, что ты не можешь помочь мне, это значит, что я должен пойти наверх и сам встретить Худа. Но какая в том была польза? Дом совершенно поглотил Венделла. Он будет скорее помехой, чем помощью в предстоящей битве. И вместо всего этого Харви сказал:

«Миссис Гриффин снаружи!»

«Значит, мы найдем ее?»

«Мы ее нашли».

«Я пойду и поздороваюсь», — произнес Венделл с радостной улыбкой.

«Хорошая мысль».

Венделл взялся за ручку двери, потом повернулся и спросил:

«А где будешь ты?»

Но Харви не ответил. Он уже перешагнул кучу пыли, которая отмечала место кончины Джайва, и приближался к вершине первого на своем пути лестничного пролета, чтобы встретить силу, которая поджидала во тьме чердака.

20

Встреча воров

На ходу вглядываться в пыльную правду, притворяющуюся пирогом и мороженым, — одно, но совсем иное — процарапать внешний лоск, которым покрыл себя Дом и который он отполировал до такого совершенства. Когда Харви взбирался по ступеням лестницы, он продолжал надеяться, что отыщет какую-нибудь деталь в стенах или в коврах, которая позволила бы ему засунуть пальцы разума под крышку иллюзий и приподнять ее, чтобы увидеть, какая неприглядная штука лежит внутри. Если Марр была сделана из засохшей грязи и слюны, а Джайв из пыли, то из чью сделан сам Дом? Однако, как Харви ни глядел, он не мог пробиться сквозь ложь. Дом восхищал чувства теплом, красками и запахами лета, он мягко нашептывал в ухо и ласкал своими нежными ветерками лицо.

Даже тогда, когда он достиг темной площадки в конце последнего лестничного пролета, Дом продолжал делать вид, что это просто еще одна невинная игра в прятки, подобно бесчисленным играм, которые он видел под своей сенью.

Впереди было пять дверей, каждая из них приоткрыта на несколько дюймов, будто бы говоря:

Здесь нет секретов от мальчика, который хочет правды. Зайди и посмотри! Зайди и посмотри! Если осмелишься.

Он осмелился, но не так, как планировал Дом. Потратив несколько мгновений на разглядывание дверей, Харви в конце концов проигнорировал их все, а вместо этого спустился на пролет ниже, выбрал в одной из спален крепкое кресло, принес наверх, встал на него и выбил вентиляционную дверь, ведущую на чердак.

Втащить себя было тяжело, но он знал, когда вполз и лежал запыхавшись на полу чердака, что преследование Худа почти завершено. Король Вампиров был рядом. Кто еще, кроме владыки иллюзий, стал бы жить в месте, настолько лишенном их? Чердак был таким, каким не был Дом: грязным, темным и затянутым паутиной.

«Где ты?» — спросил он. Бесплезно было думать, что он может удивить врага. Худ наблюдал за его восхождением от самого первого этажа. «Выходи, — заорал Харви. — Я хочу видеть, как выглядит вор».

Сначала ответа не было, затем — откуда-то с другого конца чердака — Харви услышал низкое гортанное ворчание. Не дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте, он пошел туда, откуда раздавался звук, и пока он шел доски скрипели у него под ногами.

Дважды он останавливался, чтобы посмотреть наверх, потому что шум откуда-то из тьмы над головой привлекал его внимание. Была ли это пойманная птица, в панике мечущаяся вслепую туда-сюда? Или, может быть, тараканы, собравшиеся кучей на балках над ним?

Он приказал себе выбросить подобные фантазии из головы и сконцентрироваться на поисках Худа. Здесь хватало подлинных причин для испуга, чтобы выдумывать новые. В отличие от пространства вокруг вентиляционной двери этот конец чердака служил чем-то вроде

кладовой, и его враг определенно таился в лабиринте истлевающих картин и покрытой плесенью мебели.

Действительно, не он ли источник этого порхающего движения, которое Харви заметил краем глаза?

«Худ? — спросил он, сощурившись, чтобы попытаться получше разглядеть фигуру в темноте. — Зачем ты здесь прячешься?»

Он шагнул вперед и, сделав это, понял свою ошибку. Это был не таинственный мистер Худ. Он узнал эту фигуру, как исковеркана она ни была: полусгнившие крылья, крохотные черные глаза, зубы, бесчисленные зубы.

Это был Карна!

Тварь приподнялась в своем грязном гнезде, одновременно огрызаясь на Харви. Он отступил, спотыкаясь, и Карна мог бы схватить его, сделав всего три шага, если бы так не хромал из-за своих ран и если бы ему не мешал окружающий хаос.

Он ударялся о груды хлама слева и справа от себя, раскидывал кресла и переворачивал ящики, отправившись в болезненную погоню за своей добычей. Пятясь, Харви не спускал глаз со зверя, а в голове у него копошились вопросы. Где был Худ? Это оставалось главной тайной. Миссис Гриффин уверена, что он где-то наверху, но Харви прошел чердак из конца в конец, а единственным здешним обитателем было создание, которое гнало его к выходу.

Отходя, Харви еще раз внимательно посмотрел в темноту, на случай, если не разглядел кого-то, прячущегося здесь. Но глаза его обнаружили не человеческую фигуру, а шар размером с теннисный мяч, блестящий так, будто был заполнен светом звезд, — он появился из досок, словно пузырь, и поднимался к крыше. Мгновенно забыв об опасности, Харви наблюдал, как шар поднимается, затем к шару присоединился второй, третий и четвертый.

Изумленный этим зрелищем, Харви мало заботился о том, где шел. Он споткнулся, упал и теперь лежал, растянувшись на жестких досках. Сквозь красную дымку боли он глядел на крышу.

А там, над ним, находился Худ во всем своем величии.

Его лицо простиралось по всей крыше, черты его были ужасающе искажены. Глаза его были темными ямами, выдолбленными в балках, нос его выступал наружу и нелепо уплощался, как нос огромной летучей мыши, рот был безгубой щелью не меньше десяти футов шириной, из которой раздавался голос, подобный скрипу дверей, завыванию каминов и грохотанию окон.

«Дитя! — произнес он. — Ты принес боль в мой рай. Стыдись!»

«Какую боль? — закричал в ответ Харви. Его до мозга костей пронзала дрожь, но он знал, что не время показывать свой страх. Он поучаствует в иллюзии, станет действовать тем же способом, что и его враг, изобразит отвагу, даже когда не чувствует ее. — Я пришел забрать свое, вот и все».

Худ всосал одну из сияющих сфер в рот. Свет ее мгновенно потух.

«Марр мертва, — сказал он. — Джайв мертв. Превратился в грязь и пыль из-за тебя!»

«Они никогда не были живыми», — ответил Харви.

«Ты слышал их всхлипы и жалобы? — спросил Худ, жилы у него на лбу вспухли. — Тебе их

не жалко?»

«Нет», — заявил Харви.

«Тогда я не пожалею тебя, — пришел режущий ухо ответ. — Я погляжу, как мой бедный Карна сожрет тебя от пяток до макушки и получит от этого удовольствие».

Харви взглянул в сторону Карны. Зверь приостановил движение, но был готов ударить, его сочащиеся челюсти находились в нескольких дюймах от ног Харви. Теперь, когда зверь стоял неподвижно, Харви мог ясно разглядеть, насколько сильно тот изранен, тело его было столь излохмачено, что походило на заплесневелую тряпку, огромная голова свисала, будто каждый вдох был бременем.

Когда Харви поглядел на него, он вспомнил нечто, что говорила ему миссис Гриффин.

«Сейчас я бы призвала Смерть, — сказала она, — как друга, которого я прогнала от своей двери».

Может, то, что ожидало Карну, и не было путешествием к звездам, может, это было просто возвращением в ничто, из которого Худ вызвал его. Но создание тем не менее желало этого дара. Оно было изношенное и израненное и оставалось в живых не из-за собственного желания, а потому что Худ требовал его службы.

«Такая жалость...» — прошептал голос с крыши.

«Что?» — спросил Харви, поглядев опять на Худа, у которого на губах стало на два шара больше. «Терять тебя таким образом, — продолжал тот. — Может, попробовать убедить тебя подумать еще раз? Кроме того, я не причинил тебе вреда. Почему бы не вернуться обратно и не жить здесь в мире?»

«Ты похитил тридцать лет моего времени с Мамой и Папой, — сказал Харви. — Если я останусь здесь, ты украдешь много больше».

«Я только взял дни, которые не хотел ты, — запротестовал Худ. — Дождливые дни. Серые дни. Дни, когда ты желал быть далеко. Где здесь преступление?»

«Я не знал, что теряю», — запротестовал Харви.

«А, — мягко сказал Худ, — но разве это не обычное дело? Вещи ускользают из твоих пальцев, а когда они исчезают, ты сожалеешь о них. Но что ушло, то ушло, Харви Свик!»

«Нет! — воскликнул Харви. — То, что ты украл, я могу украсть обратно».

При этом в двойных ямах глаз Худа возникло свечение.

«Но ты горишь ярко, Харви Свик, — сказал он. — Я никогда не встречал души, которая горела бы так ярко, как твоя». Он нахмурился, изучая мальчика внизу. «Теперь я понимаю», — сказал он.

«Что понимаешь?»

«Почему ты вернулся обратно?»

Харви начал говорить: «Я пришел за тем, что ты забрал...», но Худ поправил его до того, как он выговорил два слова.

«Ты пришел потому, что знал: найдешь здесь дом, — сказал Худ. — Мы оба воры, Харви Свик. Я забираю время. Ты забираешь жизни. Но в конечном счете мы одинаковы: оба

Вечные Похитители».

Как ни отвратительно было думать о себе нечто подобное, Харви испугался, ибо в нем таился страх, вдруг слова чудовища — правда. Эта мысль заставила его замолчать.

«Возможно, нам нет необходимости быть врагами, — сказал Худ. — Возможно, мне следует взять тебя под свое крыло». Он без радости улыбнулся собственной шутке. «Я могу воспитать тебя. Помочь тебе лучше понимать Темные Пути»

«Значит, я закончу, кормясь детьми, как ты? — спросил Харви. — Нет, спасибо».

«Я думаю, тебе бы это понравилось, Харви Свик, — сказал Худ. — В тебе есть задатки вампира».

Отрицать было невозможно. Само слово вампир напомнило ему полет в Хэллоуин, парение под полной луной — с горящими красными глазами и зубами, острыми как лезвия.

«Я вижу, ты вспоминаешь», — сказал Худ, уловив отблеск удовольствия на лице Харви.

Харви мгновенно сменил удовольствие хмуростью. «Я не хочу оставаться здесь, — сказал он. — Я только хочу получить свое и уйти».

Худ вздохнул. «Печально, — произнес он. — Даже очень печально. Но если ты желаешь того, что принадлежит тебе, бери смерть. Карна! — Зверь поднял свою жалкую голову. — Сожри мальчишку!»

Прежде чем изувеченный зверь смог двинуться с места, Харви вскочил на ноги. По дороге к вентиляционной двери он понял, что шансы перегнать Карну малы, но вдруг существует другой способ уложить зверя? Если он был Вечным Похитителем, как сказал Худ, возможно, пришло время доказать это. Не пылью, не похищенными заклинаниями, а силой собственных мускулов.

Карна сделал в его сторону угрожающий шаг, но вместо того, чтобы отойти, Харви протянул руку к твари, будто для того, чтобы погладить его по разлагающейся голове. Зверь заколебался, в нем созревало сомнение.

«Сожри его...» — зарычал Король Вампиров.

Зверь опустил голову, ожидая наказания свыше. Но именно Харви положил на него руку и мягкое прикосновение повергло в дрожь тело зверя. Он поднял морду, чтобы прижаться к ладони Харви, и, сделав так, он издал долгий низкий стон.

В этом звуке не было ни боли, ни жалобы. В нем слышалась благодарность за то, что единственный раз его не встретили ударами и воплями ужаса. Он уставился глазами в лицо Харви, и дрожь удовольствия прошла по его телу. Казалось, он знал, чем все кончится, потому что мгновением позже он отошел от утешителя, и когда сделал это, дрожь усилилась и тело его внезапно разлетелось на тысячу кусочков.

Его зубы, которые мгновением прежде выглядели столь устрашающими, откатились во тьму, массивный череп вдребезги разбился, позвоночник скрючился. За несколько секунд он стал лишь грудой костей, столь сухих и столь старых, что даже самый отчаявшийся пес пробежал бы мимо них.

Харви взглянул на лицо на крыше. Выражение лица Худа было выражением совершеннейшего замешательства. Челюсть отвисла, глаза вылезли из своих ям.

Харви не стал ждать, пока тот нарушит молчание. Он просто повернулся спиной к останкам

Карны и устремился к вентиляционной двери, почти ожидая, что создание на крыше захлопнет ее. Однако ответа от Худа не было до тех пор, пока Харви не опустился в кресло, стоявшее на площадке. Только затем, когда Харви бросил последний взгляд на чердак, Худ заговорил.

«О мой маленький вор... — прошептал он. — Что нам теперь делать?»

21

Фокусы и соблазны

«Ты хорошо сделал», — сказала с улыбкой личность, ожидающая его у верха лестницы.

«А я думал, куда ты делся», — ответил Харви Риктусу.

«Всегда готов служить», — раздался елейный ответ.

«На самом деле?» — поинтересовался Харви, поднимаясь с кресла и подходя поближе.

«Конечно, — сказал Риктус. — Всегда».

Теперь, когда он был рядом, Харви заметил трещины во внешнем лоске Риктуса. Тот загипсовал улыбку и умащивал свои слова маслом и медом, но через его болезненную кожу просачивался кислый запах страха.

«Ты боишься меня, не так ли?» — спросил Харви.

«Нет, нет, — настаивал Риктус. — Я полон уважения, вот и все. Мистер Худ считает, что ты смысленный мальчик. Он уполномочил меня предложить тебе все, чего бы ты ни пожелал, чтобы заставить тебя остаться. — Он развел руки. — Предел — небо».

«Ты знаешь, чего я хочу».

«Все, что угодно, вор, кроме лет. Ты не можешь обладать ими. Тебе они даже не понадобятся, если ты останешься и станешь подмастерьем мистера Худа. Ты будешь жить вечно, так же как он». Риктус пошлепал по капелькам пота на своей верхней губе пожелтевшим платком. «Подумай об этом, — сказал он. — Ты, может быть, и способен убить подобных Карне... или мне, но ты никогда не сможешь причинить вреда Худу. Он слишком стар, слишком мудр, слишком мертв».

«Если я останусь...» — сказал Харви.

Ухмылка Риктуса стала шире. «Да?» — промурлыкал он.

«Дети в озере станут свободны?»

«К чему беспокоиться о них?»

«Один из них мой друг», — напомнил ему Харви.

«Ты думаешь о маленькой Лулу, не так ли? — сказал Риктус. — Так вот, позволь мне сказать тебе, она очень счастлива там внизу. Все они счастливы».

«Нет, не счастливы! — разъярился Харви. — Озеро отвратительно и ты это знаешь». Он

шагнул к Риктусу, который отступил будто бы в страхе за свою жизнь. По всей вероятности так и было. «Тебе бы это понравилось? — спросил Харви, тыча пальцем в сторону Риктуса. — Жить в холоде и темноте?»

«Ты прав, — сказал Риктус, сдаваясь и поднимая руки. — Что бы ты ни говорил».

«Я говорю, сейчас же освободи их! — ответил Харви. — И если не освободишь ты, тогда освобожу я!»

Он оттолкнул Риктуса в сторону и побежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Он и понятия не имел, что собирается делать, когда спустится к озеру, — рыбы в конечном счете были рыбами, пусть даже некогда они и были детьми, если он попытается вытащить их из озера, они явно погибнут на воздухе. Но он решил спасти их каким-нибудь образом от Худа.

Риктус шел за ним по лестнице, болтая как заводной.

«Чего тебе хочется? — говорил он. — Только представь, и это твое! Как насчет собственного мотоцикла?» Он еще не закончил фразу, а что-то уже заблестело на площадке нижнего этажа и вкатился самый превосходный мотоцикл, который когда-либо предстал перед человеческими глазами. «Он твой, мой мальчик!» — сказал Риктус.

«Нет, спасибо», — ответил Харви.

«Я не виню тебя! — сказал Риктус, пиная мотоцикл, когда тот проплывал мимо него. — Как насчет книг? Ты любишь книги?»

Прежде чем Харви смог ответить, стена поднялась перед ним, словно огромный коричневый занавес, являя громоздившиеся полка на полке переплетенные в кожу тома.

«Мировые шедевры! — воскликнул Риктус. — От Аристотеля до Золя! Нет?»

«Нет!» — отверг Харви, продолжая торопиться.

«Здесь должно быть нечто, чего ты хочешь», — сказал Риктус.

Они теперь направлялись к последнему пролету лестницы, и Риктус знал, что через короткое время его добыча будет на открытом воздухе.

«Ты любишь собак? — спросил Риктус, когда свора тявкающих щенков быстро побежала вверх по ступеням. — Выбери одного! Ах, черт, бери их всех!»

Харви подвергался искушению, но он перешагнул через щенков и продолжил путь.

«Может быть, чего-то позэкзотичнее?» — спросил Риктус, и стая попугаев в блистающем оперении спустилась с потолка. Харви взмахом руки отогнал их.

«Слишком шумно, уф? — вздохнул Риктус. — Ты хочешь чего-то спокойного и мощного? Тигры! Вот чего ты хочешь! Тигры!»

Не успел он это сказать, как те мягко ступали по коридору вниз, два белых тигра, с глазами цвета полированного золота.

«Негде их держать!» — сказал Харви.

«Это практично! — признал Риктус. — Мне нравятся практичные дети».

Когда тигры удалились, телефон на столе возле кухонной двери начал звонить. Риктус в два

прыжка преодолел лестничный пролет и еще в два прыжка оказался у стола.

«Послушай! — позвал он. — Это Президент Соединенных Штатов. Он хочет дать тебе медаль!»

«Ничего он не хочет», — сказал Харви, уставший от болтовни. Он находился на нижней площадке лестницы и двигался к передней двери.

«Ты прав, — отозвался Риктус, опять прислушиваясь к телефонному бормотанию. — Он хочет дать тебе месторождение нефти на Аляске».

«Слишком холодно».

«Он говорит — как насчет Флориды?»

«Слишком жарко».

«Мальчик! Ты человек, которому трудно угодить!»

Харви проигнорировал его замечание и нажал ручку входной двери. Риктус бросил трубку и устремился к нему.

«Погоди! — кричал он. — Погоди! Мы еще не закончили».

«У тебя нет ничего, что я хочу, — сказал Харви, распахивая входную дверь. — Это все подделки».

«А что, если и так? — спросил Риктус, внезапно притихнув. — Вот солнце снаружи. Ты все еще можешь наслаждаться им. И позволь мне заметить, требуется много волшебства, чтобы наколдовать все эти подделки и мистификации. Мистер Худ крепко попотел, отыскивая то, что тебе понравится».

Не обращая на него внимания, Харви вышел на крыльцо. Миссис Гриффин стояла посреди лужайки со Стью Кэт на руках и прищурившись глядела на Дом. Она улыбнулась, когда увидела Харви.

«Я слышала весь этот шум, — сказала она. — Что случилось?»

«Я расскажу вам позже, — ответил Харви. — Где Венделл?»

«Он куда-то ушел», — сказала она.

Харви сложил ладони рупором, приставил ко рту и завопил:

«Венделл! Венделл!»

Голос его вернулся обратно, отраженный фасадом Дома. Но ответа от Венделла не было.

«Теплый полдень, — промурлыкал Риктус, развалившись на крыльце. — Может, Венделл отправился... поплавать».

«О, нет, — прошептал Харви. — Нет. Только не Венделл. Пожалуйста, только не Венделл...»

Риктус пожал плечами. «В любом случае этот твой Венделл жирноват для малыша, — сказал он. — Возможно, ребенок будет лучше выглядеть в виде рыбы!»

«Нет! — закричал Харви Дому. — Это нечестно! Ты не можешь этого сделать! Не можешь!»

Слезы затуманили его глаза. Он вытер их кулаками. Все было бесполезно — и слезы, и кулаки. Он не мог смягчить сердца Дома всхлипами и не мог повергнуть Дом ударами. У него не было другого оружия против врага, кроме смекалки, да и та почти истощилась.

22

Аппетит

О, стать бы опять вампиром, подумал Харви. Заиметь бы когти, клыки и жажду крови, подобную той, которой он обладал в тот далекий Хэллоуин, жажда, от которой он с отвращением отказался. Теперь бы не отказался. О, нет. Он позволил бы ей превратить его в зверя, так, чтобы он мог полететь в лицо Худу с ненавистью, острой как бритва.

Но он не был зверем, он был мальчиком. Сила была у Короля Вампиров, не у него.

И тут, когда он поглядел на Дом, он вспомнил нечто, что Риктус говорил возле двери:

«Требуется много волшебства, чтобы наколдовать все эти подделки и мистификации, — сказал он. — Мистер Худ крепко попотел, отыскивая то, что тебе понравится».

Может мне не нужны клыки, чтобы высосать его насухо, подумал Харви, может, все, что мне нужно, — желания.

«Я хочу поговорить с Худом», — сказал он Риктусу.

«Зачем?»

«Ну... может, и есть какие-то вещи, которые мне понравятся. Только я хочу поговорить с ним лично».

«Он слушает», — заявил Риктус, оглядываясь на Дом.

Харви внимательно изучил и окна, и карнизы, и крыльцо, но не заметил и следа какого-то присутствия. «Я его не вижу», — сказал он.

«Видишь», — ответил Риктус.

«Он в Доме?» — спросил Харви, вглядываясь в открытую дверь.

«Ты еще не понял? — сказал Риктус. — Он и есть Дом».

Пока он говорил на солнце набежало облако. Крыша и стены потемнели, и весь Дом, казалось, раздулся как чудовищный гриб. Он был живой! От карнизов до фундамента — живой!

«Давай же! — подбодрил Риктус. — Говори с ним. Он слушает».

Харви сделал шаг к Дому. «Ты меня слышишь?» — спросил он.

Передняя дверь раскрылась чуточку шире и вздох вынес со ступеней на крыльцо облако пыли, оставшейся от Джайва.

«Он слышит тебя», — сказал Риктус.

«Если я останусь...» — начал Харви.

«Дааа...» — откликнулся Дом, составляя слово из скрипов и треска.

«...ты мне дашь все, чего я пожелаю?»

«Для такого смышленного мальчика, как ты... — раздалось в ответ, — что угодно».

«Ты клянешься? Своим волшебством?»

«Я клянусь. Клянусь. Только скажи слово...»

«Ну, для начала...»

«Дааа».

«Я потерял свой ковчег».

«Значит, ты должен иметь другой, моя Полярная звезда, — сказал Худ. — Больше. Лучше». И доски крыльца прогнулись, когда возник ковчег в три раза больший, чем первый.

«Я не хочу деревянных животных», — сказал Харви, направляясь к крыльцу.

«А каких? — спросил Худ. — Свинцовых? Серебряных? Золотых?»

«Из плоти и крови, — ответил Харви. — Настоящих маленьких животных».

«Мне нравится твой вызов», — сказал Худ, и пока он говорил, слабые мычание и рев донеслись с ковчега, маленькие окна распахнулись настежь, двери широко раскрылись и появилось несколько десятков животных, идеальные миниатюрные копии: слоны, жирафы, гиены, муравьеды и голуби.

«Доволен?» — спросил Худ.

Харви пожал плечами. «Нормально, мне кажется», — сказал он.

"Нормально? — переспросил Худ.

— Это маленькое чудо".

«Так сделай и другое».

«Другой ковчег?»

«Другое чудо!»

«Чего бы тебе хотелось?»

Харви повернулся спиной к Худу-Дому и обзрел лужайку. Вид миссис Гриффин, которая с изумлением смотрела на происходящее, вдохновил на новое требование. «Я хочу цветы, — сказал он. — Повсюду! И чтобы не было двух похожих».

«Зачем?» — спросил Худ-Дом.

«Ты говорил, что я получу все, чего пожелаю, — ответил Харви. — И ты не говорил, что я должен буду объяснять тебе причины. Если я должен буду это делать, все удовольствие пропадет».

«О, я понял свою ошибку, — сказал Худ-Дом. — Ты должен получать удовольствие, чего бы

это ни стоило».

«Значит, дай мне цветы», — настаивал Харви.

Лужайка начала дрожать, как будто под нею происходило небольшое землетрясение, и в следующий миг бесчисленные побеги раздвинули зелень травы. Миссис Гриффин засмеялась от восторга.

«Погляди на них! — сказала она. — Только погляди!»

Это было достойное зрелище, десятки тысяч цветов одновременно взорвались цветением. Харви смог бы назвать некоторые из них, если бы попробовали провести экзамен: тюльпаны, нарциссы, розы. Но большая часть их была ему неизвестна: сорта, которые распускались ночью в Верхних Гималаях или на продуваемых ветрами плато Терра дель Фуего, цветы с бутоном таким большим, как его голова, или таким маленьким, как ноготь его большого пальца, цветы, производившие зловоние, напоминающее запах тухлого мяса, и пахнувшие, как ветерок из самого Рая.

Даже зная, что все это лишь иллюзия, он был поражен и заявил об этом.

«Выглядит неплохо», — сказал он Худу-Дому.

«Доволен?» — хотел знать тот.

Был ли голос его немного слабее чем прежде, размышлял Харви. Он подозревал, что да. Однако он ни единым знаком не выдал своего подозрения. Он просто сказал:

«Мы направляемся туда...»

«Направляемся куда?» — спросил Худ-Дом.

«Ну, — сказал Харви, — думаю, мы узнаем, когда придем на место».

Негромкое раздраженное ворчание долетело со стороны Дома. Окна задрезбужали. Одна или две черепицы соскользнули с крыши и разбились вдребезги о землю.

Мне надо быть осторожным, подумал Харви, Худ начнет сердиться. Риктус эхом отозвался на эту мысль.

«Я надеюсь, ты не играешь с мистером Худом, — предупредил он, — потому что он не любит таких игр».

«Он хочет, чтобы я был счастлив, не так ли?» — спросил Харви.

«Конечно».

«А как насчет того, чтобы что-нибудь поесть?»

«Кухня полна», — сказал Риктус.

«Я не хочу пирогов и горячих сосисок. Я хочу... — он замолк, тщательно роясь в своей памяти и вспоминая названия деликатесов, о которых он когда-либо слышал — жареного лебедя и устриц и эти маленькие черные яйца...»

«Икру?» — спросил Риктус.

«Ага! Я хочу икру!»

«На самом деле? Она омерзительна».

«И все же я ее хочу! — сказал Харви. — И лягушачьи ножки с хреном и гранатовым соком».

Еда уже появилась в коридоре, одна дымящаяся тарелка на другой. Запахи сначала изводили танталовыми муками, но чем больше блюд добавлял к списку Харви, тем более тошнотворной становилась смесь. Однако его меню, состоящее из настоящей еды, быстро подошло к концу, поэтому вместо того, чтобы давать Дому простые рецепты вроде фрикаделек и пиццы, он начал изобретать блюда.

«Я хочу омаров, приготовленных в лимонаде, и бифштексы из конины с соусом — желе, и сыр из прессованного творога, и суп — пепперони...»

«Погоди! Погоди! — воскликнул Риктус. — Ты слишком спешишь».

Но Харви не останавливался.

«...и жаркое из брюссельской капусты с улиточьей помадкой и со свиными ножками...»

«Погоди!» — взвыл Дом.

На этот раз Харви остановился.

В пылу своего открытия он даже не глянул, продолжает ли Худ снабжать его всем этим съестным, но теперь он увидел, что блюда, которые он потребовал, громоздились в коридоре столь высокими грудями, что угрожали снести ковчег и отправить его в плавание по омерзительному морю сластей и жаркого.

«Я знаю, что ты делаешь», — сказал Худ-Дом.

Ое-ей, подумал Харви, он разгадал меня.

Он перевел взгляд с еды у двери на фасад и увидел, что его план истощить волшебство Дома и вправду действует. Теперь многие окна треснули или разбились, двери облупились и свисали с петель, доски крыльца, покрытые плесенью, вспучились.

«Ты испытываешь меня, да?» — сказал Худ. Его голос никогда не был мелодичным, но теперь он был еще безобразнее, чем обычно: как бурчание в животе у Дьявола. «Признайся, вор!» — сказал он.

Харви глубоко вздохнул, затем сказал:

«Если я собираюсь стать твоим подмастерьем, мне необходимо знать, насколько ты силен».

«Ты удовлетворен?» — требовательно спросил разрушающийся Дом.

«Почти», — сказал Харви.

«Чего же еще ты хочешь?» — спросил Дом.

Действительно, чего же еще, подумал Харви. Его мысли крутились среди нелепых перечислений, у него мало что оставалось по части требований.

«Ты можешь получить последний подарок, — сказал Худ-Дом, — одно, последнее, доказательство моей мощи. Потом ты должен навеки веков признать меня своим Повелителем. Согласен?»

Харви почувствовал, как струйка холодного пота сбегает по спине вдоль позвоночника. Он

установился на пошатывающийся Дом, и мысли у него в голове завертелись. Чего еще потребовать?

«Согласен?» — прогудел Дом.

«Согласен», — ответил Харви.

«Итак, говори, — продолжал Дом, — чего же ты хочешь?»

Харви посмотрел на крошечных животных вокруг ковчега и на цветы, и на еду, выползавшую через дверь, подобно блевоте. Что же он должен потребовать? Одно, последнее требование, чтобы сломать Худу хребет. Но что? Что?

Порыв ледяного ветра прилетел со стороны озера. Осень была неподалеку. Пора умирания.

«Знаю!» — внезапно воскликнул он.

«Скажи мне, — ответил Дом. — Скажи, и закончим эту игру раз и навсегда. Я хочу, чтобы твоя смысленная душа была под моим крылом, маленький вор».

«И я хочу... Хочу разные времена года, — сказал Харви. — Все времена года одновременно».

«Одновременно?»

«Да, одновременно!»

«Это бессмысленно!»

«Это то, чего я хочу».

«Глупость! Идиотизм!»

«Но это то, чего я хочу! Ты говорил еще об одном желании. Вот оно!»

«Что же, ладно, — сказал Дом. — Я даю это тебе. И когда ты это получишь, маленький вор, твоя душа будет моей!»

23

Война времен года

Худ не терял больше времени. Как только он сделал Харви свое последнее предложение, душистый ветер стал порывистым, унес облака ягнячьей шерсти, проплывавшие по летнему небу. Их место занял джаггернаут: дождевая туча величиной с гору, которая нависла над Домом как тень, отбрасываемая на Небеса.

В ее темной сердцевине была не просто молния. В ней были светлые дожди, которые приходят рано утром, чтобы уговорить проклюнуться семена еще одной весны, в ней были нависающие осенние туманы и кружащиеся снега, что приносили в Дом так много полуночных Рождеств. Теперь все они явились одновременно — дожди, снега и туманы — в виде ледящего дождя со снегом, почти скрывшего солнце. Он бы погубил холодом цветы на холме, если бы ветер не достиг их первым и не стал обрывать с такой жестокостью, что каждый лепесток или лист взлетал в воздух.

Находясь между благоуханным приливом и нависшей пеленой льда и туч, Харви едва был в силах стоять прямо. Но он широко расставил ноги и сопротивлялся любому удару или порыву, решив не уходить в укрытие. Возможно, перед ним разыгрывался последний спектакль, на котором он мог присутствовать как свободная душа. Да, как живая душа. И Харви намеревался насладиться им.

Это достойное зрелище, битва, подобную которой планета никогда не видела.

Слева от него лучи солнца пронизывали облака во имя Лета, и только для того, чтобы быть смазанными туманами Осени, а справа от него Весна выстраивала свои легионы ветвей, затем он видел почки, убитые морозами Зимы до того, как показались листья.

Атака за атакой приходили и были отбиты, побудка и отбой звучали сотни раз, но ни одно время года не могло одержать верх. Скоро стало уже невозможно отличить поражение от победы. Сборы и ложные атаки, отвлекающие маневры и окружения стали единым целым. Снега во время своего падения превращались в дожди, дожди перекипали в пар, новые побеги с трудом пробивались сквозь гниль своих собратьев.

И где-то посреди хаоса сила, которая вызвала все это, в ярости подняла голос, требуя, чтобы это прекратилось.

«Довольно! — вопил Худ-Дом. — Довольно!»

Но его голос — который некогда имел столь ужасную власть — стал слабым. Его приказы проходили незамеченными, а если и замечались, то их не выполняли.

На стены, которые стали пошатываться, когда уменьшилось могущество Худа, набрасывался разъяренный ветер. Каминные трубы были изуродованы и повалены, по громоотводам молния ударила столько раз, что они расплавились и упали сквозь крышу с ободранной черепицей пылающим дождем, поджигая доски, перила и мебель — любой предмет, оказавшийся поблизости. Крыльцо, иссеченное градом, было разбито в щепки. Лестница, раскачанная у основания волной прихлынувшей грязи, рухнула словно карточный домик.

Сощутив глаза перед лицом бури, Харви был всему этому свидетелем и он был в восторге. Он пришел в Дом, надеясь похитить обратно годы, которые Худ выманил у него, но никогда бы он не осмелился поверить, что сможет повергнуть все сооружение. Тем не менее оно падало прямо на глазах. Каким бы сильным ни был шум ветра и грома, он не мог заглушить вопль Дома, пока тот погибал и превращался в пыль. Каждый гвоздь, каждый брус и кирпич, казалось, одновременно пронзительно вскрикнули от боли, которую могло утолить только забвение.

Харви не смог увидеть последние мгновения Худа. Облако грязи поднялось и пеленой закрыло обзор. Но он понял, в какой момент завершилась его битва с Королем Вампиров, потому что война времен года внезапно перешла в мир. Грозовая туча смягчила свою ярость и рассеялась, ветер сник до ленивого ветерка, свирепое солнце подернулось дымкой тумана и побледнело.

Конечно, в воздухе летали обломки, лепестки и листья, пыль и пепел. Они падали как фантастический дождь, хотя их падение отмечало конец сна.

«О, дитя...» — сказала миссис Гриффин.

Харви повернулся к ней. Миссис Гриффин стояла всего в нескольких ярдах от него, глядя на небо. Над их головами был небольшой голубой клочок, первое явление настоящего неба над этими несколькими акрами земли видели с тех пор, когда Худ основал свою империю иллюзий. Но миссис Гриффин смотрела не на голубой лоскут, а на скопление парящих огней

— тех самых, которыми, как видел Харви, кормился Худ на чердаке: они были освобождены разрушением Дома. Теперь они двигались непреклонным потоком в сторону озера.

«Души детей, — сказала миссис Гриффин, ее голос становился тоньше, пока она выговаривала слова. — Превосходно».

Тело ее больше не было плотным, увидел Харви, она исчезала на глазах.

«О, нет», — прошептал он.

Миссис Гриффин оторвала взгляд от неба и поглядела на свои руки и на кошку, которую держала в них. Та тоже становилась бесплотной.

«Посмотри на нас, — сказала миссис Гриффин с улыбкой на усталом лице. — Какое изумительное ощущение».

«Но вы исчезаете».

«Я задержалась здесь слишком надолго, милый мальчик, — сказала она. На лице ее блестели слезы, но это были слезы радости, а не печали. — Время уходить...» Миссис Гриффин продолжала поглаживать Стью Кэт, пока обе они исчезали. «Ты самая светлая душа, какую я когда-либо встречала, Харви Свик, — сказала она. — Продолжай светить. Будешь?»

Харви хотел подыскать какие-нибудь слова, чтобы убедить миссис Гриффин остаться еще ненадолго. Но даже если бы у него были подобные слова, он знал, что произнести их будет слишком эгоистично. У миссис Гриффин была другая жизнь, в которую она направлялась, — там каждая душа сияет.

«Прощай, дитя, — сказала она. — Куда бы я ни ушла, я буду говорить о тебе с любовью».

Затем ее призрачная фигура перестала мерцать, оставив Харви одного среди руин.

24

Неопытный вор

Он не долго оставался в одиночестве. Как только миссис Гриффин со Стью Кэт исчезли, Харви услышал голос, выкликающий его имя. Воздух был все еще густым от пыли, и ему пришлось долго искать взглядом говорившего. Но немного погодя он увидел девочку, идущую спотыкаясь в его сторону.

«Лулу?»

«А кто же?» — сказала она с легким вздохом.

Темная вода озера все еще пропитывала ее с головы до ног, но когда сбегала с ее тела на землю, последние серебряные чешуйки уходили с нею. Когда Лулу раскрыла ему свои руки, это были человеческие руки.

«Ты свободна! — воскликнул он, подбегая к ней и крепко ее обнимая. — Не могу поверить, что ты свободна!»

«Мы все свободны», — ответила она и посмотрела в сторону озера.

Необычайное зрелище предстало глазам Харви: шествие смеющихся детей, идущих к нему через туман. Ближайшие к нему почти полностью возвратились к своему человеческому виду, те, что были позади, все еще стряхивали свою рыбообразность, шаг за шагом.

«Мы все должны выбираться отсюда, — сказал Харви, глядя на стену. — Я не думаю, что у нас теперь будут какие-либо сложности с прохождением через туман».

Один из детей позади Лулу увидел ящик с одеждой в развалинах Дома и оповестил о своей находке остальных, которые спотыкались среди руин, пытаясь отыскать что-нибудь из вещей. Лулу отошла от Харви, чтобы присоединиться к поискам, но прежде она оставила поцелуй на его щеке.

«Не жди, что я начну тебя целовать!» — раздался из пыли голос, и Венделл шагнул в поле зрения, улыбаясь от уха до уха. «Что ты сделал, Харви? — захотел он узнать, когда обзрел хаос. — Ты разнес Дом по кирпичику?»

«Что-то вроде того», — сказал Харви, не в силах скрыть своей гордости.

Со стороны озера раздался рев. «Что это?» — спросил Харви. «Вода исчезает», — ответил Венделл. «Куда?»

Венделл пожал плечами. «Какая разница? — сказал он. — Может, отсасывается в Ад!»

Страстно желая стать тому свидетелем, Харви пошел к озеру и сквозь тучи грязи, плавающие в воздухе, увидел, что озеро действительно стало водоворотом, его некогда безмятежные воды теперь превратились в бушующую воронку.

«Кстати, что случилось с Худом?» — хотел знать Венделл.

«Он исчез, — сказал Харви, почти загипнотизированный видом воронки. — Все они исчезли».

Как только слова слетели с его губ, голос сказал:

«Не совсем».

Харви отвернулся от воды и увидел — среди развалин стоял Риктус. Его прекрасный пиджак был разорван, а лицо белело от пыли. Он выглядел, как клоун. Смеющийся клоун.

«И почему мне надо было убираться? — спросил он. — Мы вовсе не прощались».

Харви глядел на него озадаченный. Худ исчез, его волшебство тоже. Как мог пережить Риктус исчезновение своего Повелителя?

«Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Риктус, засовывая руку в карман. — Ты размышляешь, почему я не умер и не исчез. Хорошо, я скажу тебе. Я кое-что спланировал наперед». Он вытащил из кармана стеклянный шар, который мерцал так, будто в нем содержался огонь дюжины свечек. «Я украл маленький кусочек волшебства у старика, как раз на тот случай, если он когда-нибудь устанет от меня и попытается повергнуть меня в прах». Риктус поднес шар к своему злобному лицу. «У меня есть сила, чтобы поддерживать себя многие-многие годы, — сказал он. — Достаточно долго, чтобы построить новый Дом и занять место, покинутое Худом. Ох, не надо так отчаиваться, малыш. У меня есть место для тебя, прямо здесь...» Он шлепнул себя по бедру. «Ты можешь стать моей посыльной птичкой. Я буду посылать тебя отыскивать малышей-глупышей, чтобы доставить их в дом Дядюшки Риктуса». Он шлепнул себя по бедру второй раз. «Что ж! — сказал он. — Теперь не будем терять мое время! Я не...»

Тут он остановился, взгляд его упал на щебень у ног.

Испуганный шепот раздался из его горла. «О нет... — прошептал он. — Я умоляю...»

Прежде чем он смог завершить свою жалобу, рука с пальцами в фут длиной вытянулась из развалин, схватила его за горло и утащила в грязь одним резким движением.

«Мое! — сказал голос из-под земли. — Мое!»

Харви знал, это был Худ. На земле не было другого такого же низкого голоса.

Риктус боролся с хваткой своего создателя, шаря среди развалин в поисках какого-нибудь оружия. Но под руку ничего не попадалось. Все, что у него было, — это его искусство убеждения.

«Волшебство ваше, — прохрипел он. — Я хранил его для вас!»

«Лжец!» — сказал поднимающийся из руин голос.

«Для вас! Я клянусь!»

«Тогда отдай его мне!» — потребовал Худ.

«Куда же я положил его?» — пробормотал Риктус, голос его был сдавленным кваканьем.

Рука Худа немного ослабила хватку, и Риктус попытался подняться на колени.

«Прямо здесь... — сказал Худ, мизинцем держа Риктуса за воротник, одновременно упираясь указательным пальцем в развалины, — лей его в землю».

«Но...»

«В землю!»

Риктус сжал шар ладонями, тот внезапно хрустнул, и его яркое содержимое заструилось между пальцев на землю.

Это был момент молчания, затем по развалинам пробежала дрожь.

Палец Худа позволил захваченному ускользнуть, и Риктус торопливо вскочил на ноги. Однако у него не было возможности сбежать. Обломки дерева и камня мгновенно помчались к тому месту, где он пролил волшебство, некоторые поднялись высоко в воздух. Все, что мог сделать Риктус, — прикрыть себе голову, когда град усилился.

Харви держался в стороне от летающих обломков, возможно, на эти несколько мгновений лучше было вообще удалиться. Но он был мудрее. Он знал, что если убежать сейчас, его дела с Худом никогда не закончатся. Это стало бы кошмаром, который не вытрясти из головы в течение всей жизни. Что бы ни случилось затем и как бы странно ни выглядело, лучше увидеть и понять это, чем повернуться спиной — иначе видения будут посещать его до самого смертного часа.

Ему не пришлось долго ждать следующего движения Худа. Рука, державшая горло Риктуса внезапно убралась с глаз долой. В следующий момент земля разверзлась, и из своей могилы в развалинах появилась скрючившаяся фигура.

Риктус издал вопль ужаса, но вопль был коротким. Прежде чем Риктус смог отойти хоть на шаг, фигура потянулась к нему и, повернувшись лицом к Харви, высоко подняла своего слугу-предателя.

Наконец зло, которое выстроило Дом Каникул, приняло более или менее человеческие

формы. Однако Худ не был сотворен из плоти, крови и костей. Он использовал волшебство, которым его невольно снабдил Риктус, чтобы создать другое тело.

В лучшие времена своего зла Худ был Домом. Теперь предстоял другой путь. Дом, вернее, то, что осталось от него, стало мистером Худом.

25

Вихрь

Глаза его были сделаны из разбитых зеркал, а лицо из щербатого камня. Грива его была из щепок, а конечности из балок. Вместо зубов торчала битая черепица, и ржавые болты вместо когтей, а мантия из сгнивших портьер едва прикрывала черноту его сердца.

«Итак, вор... — сказал он, игнорируя жалкие усилия Риктуса, — ты видишь меня настолько человеком, насколько я им являюсь. Или скорее копией этого человека. То ли это, чего ты ожидал увидеть?»

«Да, — ответил Харви. — Это в точности то, чего я ждал».

«О?»

«Ты — грязь и мерзость, куски и обломки, — произнес Харви. — Ты ничто!»

«Я — ничто? — сказал Худ. — Ничто? Ха! Я покажу тебе, вор! Я покажу тебе, что я такое».

«Позвольте мне убить его за вас, — ухитрился разинуть рот Риктус. — Вам нет необходимости беспокоиться. Я это сделаю!»

«Ты привел его сюда, — сказал Худ, поворачивая потресканные глаза на своего слугу. — С тебя и нужно спрашивать!»

«Он просто мальчик. Я могу сторговаться с ним. Просто позвольте мне это! Позвольте...»

Прежде чем Риктус сумел закончить, Худ схватил голову своего слуги и одним коротким движением попросту отвинтил ее. Желтоватое облако зловонного воздуха поднялось из едкого горла, и Риктус — последний из отвратительного худовского квартета — погиб в мгновение ока. Худ выпустил голову из рук. Она взлетела в воздух, будто незавязанный воздушный шар, испуская громкий треск выходящих газов, пока выписывала петли, и наконец упала опустошенная на землю.

Худ небрежно отбросил тело, которое в итоге сморщилось до полного исчезновения, и направил свой зеркальный взор опять на Харви.

«Теперь, вор, — сказал он, — ты увидишь силу!»

Его грива из щепок встала дыбом, словно каждая из них была готова пронзить сердце Харви. Его рот стал широким как тоннель, и порыв кислого ледяного ветра поднялся из его живота.

«Подойди поближе!» — проревел он, раскрывая объятия.

Лохмотья, что прежде прилипали, теперь развевались. Они раскинулись как крылья какого-то древнего вампира, вампира, который питался кровью птеродактилей и *Tyranosaurus Rex*.

«Подойди! — повторил он. — Или я должен подойти к тебе?»

Харви не стал тратить дыхания на ответ. Он нуждался в каждом глотке воздуха, так, словно должен был опередить этот ужас. Не будучи даже уверен, правильное ли направление он выбрал, он повернулся на каблуках и побежал, словно еще один порыв ледящего душу воздуха ударил в него. Почва была предательски скользкой и усеянной щебнем. Он упал через шесть шагов и, оглянувшись, увидел, что Худ мчится за ним с мстительным криком. Он с трудом поднялся на ноги проржавевшие когти Худа просвистели, промахнувшись на дюйм, и Харви, спотыкаясь, удалился еще на три шага от тени Худа, когда услышал голос Лулу, звавший его по имени.

Он повернул в сторону этого голоса, но Худ схватил его за воротник куртки.

«Поймал тебя, маленький вор!» — проревел он, таща Харви обратно в свои разломанные объятия.

Однако прежде чем Худ смог вцепиться покрепче, Харви отбросил его руки и рванулся вперед. Куртка слетела, и он сделал третий рывок к свободе, взгляд его был устремлен на Лулу, которая звала его к себе.

Она стояла на берегу озера, осознал он, в считанных дюймах от кружащейся воды. Не считала же она на самом деле, что они смогут убежать в озеро? Водоворот разорвал бы их на куски.

«Мы не можем...» — проорал он Лулу.

«Мы должны! — крикнула она в ответ. — Это единственный путь!»

Теперь Харви был в трех шагах от нее. Он видел, как ее босые ноги скользят и срываются на скользких камнях, хотя она старается сохранить равновесие. Харви потянулся к ней, надеясь увести ее с этого шаткого места, до того как она упадет, но Лулу смотрела не на него. Она смотрела на чудовище за его спиной.

«Лулу! — кричал он ей. — Не гляди!»

Однако взгляд ее точно прирос к Худу, рот открылся, и Харви не смог удержаться, чтобы не взглянуть назад, пытаясь увидеть, что же ее так заворожило.

Погоня привела облачение Худа, состоящее из лохмотьев, в беспорядок, и между складками Харви увидел нечто более темное, чем ночное небо или неосвещенный погреб. Что это было? Суть его волшебства, возможно, охраняющее его безлюбое сердце?

«Ты передумал? — спросил Худ, оттаскивая Харви обратно на камни рядом с Лулу. — Ты же ведь не предпочел этот водоворот мне?»

«Пошли...» — прошептал Харви Лулу, не сводя глаз с тайны под одеянием Худа.

Он только мгновение ощущал пожатие ее руки. «Это единственный путь», — сказала она. Затем ее пальцы исчезли, и он один стоял на камнях.

«Если бы ты выбрал поток, ты бы умер ужасно, — произнес Худ. — Он бы разорвал тебя на части, завертев. В то время, как я...» Он протянул Харви свою приглашающую руку, одновременно ступая на камень. «...Я предлагаю тебе легкую смерть — быть убаюканным на ложе иллюзий». Он изобразил улыбку, и это было мерзейшим зрелищем, какое когда-либо видел Харви. «Выбирай», — сказал он.

Краем глаза Харви увидел Лулу. Она не убежала, как думал он, она просто пошла отыскивать

оружие. И нашла: кусок балки, найденный среди щебня. Харви знал, что в борьбе против гнусности Худа от всего этого мало проку, но он радовался, что не одинок в свои последние мгновения.

Он посмотрел в лицо Худу.

«Может, мне и надо бы уснуть...» — сказал он.

Король Вампиров улыбнулся. «Мудрый маленький вор», — ответил он, раскрывая объятия, чтобы пригласить мальчика в свою тень.

Харви ступил на камень, двигаясь в сторону Худа и поднимая при этом руку. Лицо его отразилось в расколотых зеркалах глаз вампира: два вора в одной голове.

«Спи», — сказал Худ.

Но Харви не обратил внимания на его слова. Прежде чем Худ смог остановить его, он ухватился за одеяние твари и дернул. Лоскутки упали с мокрым звуком рвущейся материи, и Худ издал вопль ярости, когда предстал неприкрытый.

В его сердце не было огромного волшебства. На самом деле там вовсе и не было сердца. Там была только пустота — не холодная и не горячая, не живая и не мертвая, — сделанная не из тайны, а из пустоты. Иллюзия иллюзиониста.

Взбешенный этим разоблачением, Худ издал еще один яростный рык и потянулся вниз, пытаясь забрать лохмотья своего одеяния из рук вора. Однако Харви сделал быстрый шаг назад, чтобы благодаря маневру спастись от пальцев врага. Худ в бешенстве побежал за ним, причем его подошвы визжали на камнях. Он не оставлял Харви ничего иного, как отступить еще на один шаг, и так до тех пор, пока Харви стало некуда идти, кроме как в поток.

И вновь Худ вцепился в украденные лохмотья и схватил бы и пальто, и вора одной роковой хваткой, если бы Лулу не подбежала к нему сзади, размахивая своей деревяшкой словно бейсбольной битой. Она так сильно ударила по обратной стороне колена Худа, что ее оружие треснуло, а столкновение отбросило ее на землю.

Однако удар не прошел даром. Равновесие Худа было нарушено, и он неистово замолотил руками, громыхание водоворота сотрясало камень, на котором Худ и Харви громоздились, и угрожало сбросить их обоих в водоворот. Даже теперь Худ намеревался заполучить свои лохмотья обратно и прикрыть пустоту внутри себя.

«Отдай мне мое пальто, вор!» — завывал он.

«Оно целиком твое!» — завопил Харви и швырнул украденные лохмотья в воду.

Худ устремился за ними, и когда он это сделал, Харви бросился обратно в сторону твердой почвы. Он услышал за спиной пронзительный вопль Худа и обернулся, чтобы увидеть, как Король Вампиров, с лохмотьями, зажатыми в кулаке, кинулся головой вперед в неистовствующие воды.

Гривастая голова мгновением позже поднялась над поверхностью, и Худ энергично поплыл к берегу, но как ни был он силен, водоворот был сильнее. Он сносил его от камней, таща обратно к центру, где вода спиралью уходила в землю.

В ужасе он начал умолять о помощи, его жалкие уговоры были слышны только тогда, когда водоворот подносил его к берегу, где теперь стояли Харви и Лулу.

«Вор! — вопил он. — Помоги мне, и... я дам тебе... мир! На... веки... веков...»

Затем свирепая вода начала раздирать его временное тело, выбивая ему зубы, смывая его гриву из щепок и разрывая связки, на которых держались конечности. Превращенный в живой мусор, схожий с обломками кораблекрушения, он был унесен в белые воды в центре водоворота и, пронзительно крича от бешенства, отправился туда, куда в конечном счете должно отправляться все зло: в никуда.

На берегу Харви обнял Лулу, смеясь и всхлипывая одновременно.

«Получилось...» — сказал он.

«Что получилось?» — спросил кто-то сзади. Они обернулись и увидели, что к ним бредет Венделл, жизнерадостный, как всегда. Каждый предмет одежды, который он отыскал в развалинах, был либо слишком большим, либо слишком маленьким.

«Что происходит? — хотел знать он. — Над чем вы смеетесь? Из-за чего вы плачете?» Он взглянул через плечо Харви как раз вовремя, чтобы увидеть, как последние частицы тела Худа исчезают с затихающим завыванием. «Так что это такое?» — требовательно спросил он.

Харви вытер слезы со щек и поднялся на ноги. Наконец у него была возможность ответить обычным венделловским ответом.

«Какая разница?» — сказал он.

26

Живое доказательство

Стена тумана все еще нависала над краем владения Худа, и именно там выжившие собрались, чтобы попрощаться. Конечно, ни один не знал в точности, какие приключения лежат по другую сторону тумана. Все дети пришли в Дом в разные годы. Найдет ли каждый, что его век — плюс-минус месяц или два — поджидает их на другой стороне?

«Даже если мы не получим обратно похищенные у нас годы, — сказала Лулу, когда они приготовились шагнуть в туман, — мы освободились благодаря тебе, Харви».

Был шепот благодарности от маленькой толпы и немного благодарных слез.

«Скажи что-нибудь», — прошипел Венделл Харви.

«Зачем?»

«Потому что ты герой».

«Я себя таким не чувствую».

«Так и скажи им это».

Харви поднял руки, чтобы прекратить шепот. «Я просто хочу сказать... все мы, возможно, скоро позабудем о том, что были здесь...» Послышалось что-то вроде: нет, не забудем; или: мы всегда будем помнить тебя. Но Харви настаивал. «Забудем, — сказал он. — Мы вырастем и забудем. Если не...»

«Если — что?» — спросила Лулу.

«Если не будем напоминать себе каждое утро. Или сделаем из этого рассказ и расскажем каждому, кого встретим».

«Нам не поверят», — сказал один из детей.

«Это неважно, — сказал Харви. — Мы будем знать, что это правда и это идет в счет».

Слова его встретили одобрение со всех сторон.

«А теперь пойдем домой, — сказал Харви. — Мы уже и так потеряли слишком много времени».

Венделл легонько пихнул его в ребра, когда группа рассыпалась. «А как насчет того, чтобы сказать им, что ты не герой?» — спросил он.

«О, да, — ответил Харви с озорной улыбкой. — Я и забыл».

Первые дети уже штурмовали стену тумана, стремясь как можно скорее оставить ужасы худовской тюрьмы позади. Харви наблюдал, как с каждым последующим шагом они становятся видны все хуже, и хотел, чтобы у него нашлось мгновение поговорить с ними, чтобы узнать, кем они были и почему попали в объятия Худа. Были ли они сиротами, у которых нет иного места, чтобы назвать его домом, или беглецами, как Венделл и Лулу, или им просто наскучила их жизнь, как однажды заскучал и Харви, и они были соблазнены иллюзиями?

Он никогда не узнает. Дети исчезали один за другим, пока перед стеной не остались только Лулу, Венделл и он сам.

«Ну, — сказал Венделл Харви, — если снаружи время по-настоящему восстановлено в своих правах, тогда я вернусь на несколько лет раньше, чем ты».

«Это правда».

«Если мы встретимся снова, я буду намного старше. Может быть, ты даже не узнаешь меня».

«Я тебя узнаю», — ответил Харви.

«Обещаешь?» — спросил Венделл.

«Обещаю».

Они пожали друг другу руки, и Венделл удалился в туман. Венделл ушел всего в три шага.

Лулу тяжело вздохнула. «Ты когда-нибудь хотел две вещи одновременно, — спросила она Харви, — но при этом знал, что одновременно иметь их не можешь?».

«Раз или два, — сказал Харви. — А в чем дело?»

«Потому что мне бы хотелось вырасти с тобой и быть твоим другом, — ответила она. — Но я также хочу пойти домой. И я думаю, что в год, который ожидает меня по другую сторону этой стены, ты даже еще не родился».

Харви печально кивнул, бросив взгляд на руины. «Я полагаю, что у нас действительно есть одна вещь, за которую мы можем благодарить Худа».

«Что?»

«Здесь мы были детьми вместе, — сказал он, взяв ее за руку. — Хоть и недолго».

Лулу пыталась улыбнуться, но ее глаза были полны слез.

«Давай пойдем вместе столько, сколько сможем», — сказал Харви.

«Да, мне бы этого хотелось», — ответила Лулу, и рука об руку они пошли к стене. В последний момент, прежде чем туман закрыл их, они посмотрели друг на друга, и Харви сказал:

«Домой...»

Затем они шагнули в стену. Пока длился первый шаг, он чувствовал руку Лулу в своей, но в следующую секунду она стала слабоощутима, а к третьему шагу — когда он вышел на улицу — Лулу исчезла совсем, очутившись во времени, из которого она пришла, все эти времена года тому назад.

Харви посмотрел на небо. Солнце садилось, но его розоватый свет все еще доставал до края облака, лежавшего высоко вверху. Ветер был порывистым и высушивал пот страха и усилий на лице и спине.

С клацающими зубами Харви отправился домой темнеющими улицами, не уверенный в том, что поджидало его.

Было странным, что после столь многих побед простое дело ходьбы домой смогло нанести ему поражение, но оно действительно нанесло ему поражение. После часа странствований рассудок и сила — которые предохраняли Харви от любого ужаса, который Худ мог наслать — изменили ему. Голова начала кружиться, ноги под ним подогнулись, и он в изнеможении упал на тротуар.

К счастью двое прохожих пожалели его и мягко расспросили, где он живет. Он смутно припомнил, что опасно доверять свою жизнь абсолютно незнакомым людям, но у него не было выбора.

Он мог только поручить себя их заботам и надеяться, что мир, в который он возвратился, все еще содержит капельку доброты.

Он пробудился во тьме и одно мгновение между ударами сердца думал, что черное озеро в конце концов заполучило его и он находится в его глубинах узником.

Вскрикнув от ужаса, он сел и к своему бесконечному облегчению увидел в ногах кровати окно со слегка раздвинутыми занавесками и услышал легкое постукиванье дождя о подоконник. Он был дома.

Он спустил ноги с кровати и встал. Все его тело ныло, как будто он провел десять раундов с боксером-тяжеловесом, но он оказался достаточно силен, чтобы доковылять до двери и распахнуть ее.

Звучание двух знакомых голосов донеслось с нижней площадки лестницы.

«Я счастлива просто оттого, что он дома», — услышал он, как говорила его Мама.

«Я тоже, — сказал его Папа. — Но нам нужны хоть какие-то объяснения».

«Мы их получим, — продолжала Мама. — Но мы не должны слишком сильно давить на него».

Цепляясь за перила, Харви начал спускаться по лестнице, а Мама и Папа продолжали разговор.

«Нам необходимо побыстрее узнать правду, — сказал Папа. — Я имею в виду, вдруг он вовлечен во что-нибудь преступное».

«Харви? Нет».

«Да, Харви. Ты видела, в каком он состоянии. Весь в грязи и в крови. Он явно не розы рвал».

У подножия лестницы Харви замер, немного опасаясь встретиться лицом к лицу с правдой. Изменилось ли что-нибудь, или эти двое невидимых сейчас людей все еще стары и болезненны?

Он подошел к двери и толкнул ее. Его Мама и Папа стояли у окна спиной к нему, глядя на дождь.

«Привет», — сказал он.

Они оба одновременно повернулись, и Харви испустил восторженный вопль, увидев, что преодолевал печали и ужасы Дома не напрасно. Его вознаграждение смотрело на него: Мама и Папа, выглядящие так, как выглядели до того, как за ним пришел Риктус. Похищенные годы вернулись обратно к тому, кому они принадлежали, в его собственность.

«Я славный вор», — заявил он сам себе.

«О, мой дорогой», — сказала Мама, подходя к нему с раскрытыми объятиями.

Он обнял сначала ее, затем Папу.

«Чему ты радуешься, сынок?» — хотел знать Папа.

Харви вспомнил, как трудно было объяснить все в последний раз, поэтому вместо того, чтобы даже попытаться это сделать, он сказал:

«Я просто бродил по окрестностям и заблудился. Я не предполагал, что вы так расстроитесь».

«Ты что-то сказал насчет вора».

«Разве?»

«Ты знаешь, что сказал», — сурово произнес Папа.

«Ну... являешься ли ты вором, если забираешь то, что принадлежало тебе первому?» — спросил его Харви.

Мама и Папа обменялись озадаченными взглядами.

«Нет, дорогой, — сказала Мама. — Конечно, нет».

«Тогда я не вор», — ответил Харви.

«Я думаю ты нам обоим должен рассказать правду, Харви, — попросила Мама. — Мы хотим знать все».

«Все?»

«Все», — сказал Папа.

И он рассказал им всю историю прямо так, как они просили, с самого начала, и если в предыдущий раз, когда он рассказывал о своих приключениях, их лица были полны сомнений, в этот раз они не поверили.

«Ты на самом деле ждешь, что мы поверим во все это?» — выпалил Папа, когда Харви рассказывал о том, как встретил Худа на чердаке.

«Я могу взять вас к Дому, — предложил Харви. — Или к тому, что от него осталось. В прошлый раз я не мог отыскать его, потому что он прятался от взрослых. Но Худ погиб, следовательно, не осталось волшебства, чтобы его прикрывать».

И вновь Мама с Папой обменялись озадаченными взглядами.

«Если ты можешь отыскать этот Дом Худа, — сказал Папа, — нам обоим хотелось бы взглянуть на него».

На следующий день они вышли рано. И теперь — прямо как и ожидал Харви — дорога к дому не была скрыта волшебством. Он довольно легко отыскал улицы, вдоль которых вел его Риктус, и очень скоро покатым холм, где некогда стоял Дом, возник перед глазами.

«Вот, — сказал он Маме и Папе. — Дом стоял здесь».

«Это же просто холм, Харви, — возразил Папа. — Холм, покрытый травой».

Действительно, было неожиданным увидеть, что земля, на которой было совершено столь много ужасных деяний, так быстро покрылась зеленью.

«Выглядит довольно мило», — сказала Мама, когда они подошли к месту, где прежде возвышалась стена из тумана.

«Руины находятся под ним, клянусь, — сказал Харви, бросаясь к склону. — Я покажу вам. Пойдемте!»

Сегодня они были не единственными посетителями. Над вершиной холма виднелось несколько воздушных змеев, планирующих по ветру, дюжина или даже больше собак шумно возились поблизости, дети со смехом скатывались по склону, была даже пара влюбленных, шепчущихся между собой.

Харви возмущало присутствие всех этих людей. Как они осмеливаются возиться здесь и смеяться, и запускать воздушных змеев, думал он, как будто это обыкновенный холм? Он хотел сказать им всем, что они прыгают по руинам дома вампира, и посмотреть, как быстро исчезнут улыбки с их лиц.

Но затем он подумал, что, может быть, лучше, что о холме не ходят слухи и легенды. Имя Худа, возможно, никогда не срывалось с губ тех влюбленных и любителей воздушных змеев, а должно ли оно срываться? Его злу нет места в счастливых сердцах.

«Ну? — сказал Папа, когда они трое вскарабкались по склону. — Этот твой Дом хорошенько схоронен».

Харви присел на корточки и стал копать землю руками. Земля была мягкой и источала

сладкий запах плодородия.

«Странно, не так ли?» — произнес голос.

Он поднял глаза от своей работы, оба кулака его были в грязи. Мужчина, немного старше, чем его Папа, улыбаясь, стоял в нескольких ярдах от него.

«О чем вы говорите?» — спросил Харви.

«О цветах. О земле, — ответил он. — Может, у земли есть свое волшебство — доброе волшебство, считаю я, — и оно навечно похоронило память о Худе».

«Вы знаете о Худе?» — сказал Харви.

Мужчина кивнул. «О, да».

«Что в точности вы знаете? — спросила Мама. — Наш сын рассказал нам такие странные истории...»

«Все они правда», — подтвердил мужчина.

«Вы даже не слышали их», — ответил Папа.

«Вы должны поверить вашему мальчику, — сказал мужчина. — Я имею самые лучшие свидетельства, что он герой».

Папа Харви посмотрел на сына с дергающейся улыбкой на лице. «На самом деле? — спросил он. — Вы один из узников Худа?»

«Не я», — ответил мужчина.

«Тогда откуда вы знаете?»

Человек глянул через плечо и там, у подножия холма, стояла женщина в белом платье.

Харви изучал эту незнакомку, пытаясь разглядеть ее лицо, но шляпа с широкими полями затеняла ее черты. Он поднялся на ноги, намереваясь подойти поближе, но мужчина сказал:

«Не надо... пожалуйста. Она послала меня вместо себя, просто чтобы тебя поприветствовать. Она помнит тебя таким, как ты был — юным — и она хочет, чтобы ты ее помнил такой же».

«Лулу...» — прошептал Харви.

Мужчина не подтверждал и не отрицал этого. Он только сказал Харви:

«Я многим обязан вам, молодой человек. Я надеюсь быть ей таким же прекрасным мужем, каким вы были другом».

«Мужем?» — произнес Харви.

«Как летит время, — сказал мужчина, сверяясь со своими часами. — Мы опаздываем к завтраку. Могу ли я пожать вашу руку, юный сэр?»

«Она в грязи», — предупредил Харви, позволяя земле сбежать между пальцев правой руки.

«Что может быть лучше, — сказал мужчина с улыбкой, — чем эта... исцеляющая земля?»

Он взял руку Харви, пожал ее и, кивнув Папе и Маме Харви, заторопился вниз по склону.

Харви видел, как он разговаривает с женщиной в белом платье, видел ее кивок, видел ее улыбку в его сторону. Затем они оба ушли. На улицу и прочь.

«Ну... — произнес Папа, — кажется все-таки твой мистер Худ существовал».

«Значит, вы верите мне?» — спросил Харви.

«Здесь что-то произошло, — раздалось в ответ, — и ты был героем. Я верю».

«Этого достаточно, — сказала Мама. — Тебе не нужно продолжать копать, золотко. Что бы ни находилось под этой землей, оно должно оставаться там».

Харви был готов освободить левую руку от грязи, когда Папа сказал:

«Дай мне это», — и раскрыл свою руку.

«На самом деле?» — сказал Харви.

«Я слышал, что немного доброго волшебства всегда полезно, — ответил Папа. — Разве не так?»

Харви улыбнулся и насыпал полную горсть земли в папину ладонь.

«Всегда», — сказал он.

Дни, которые последовали затем, были не похожи ни на один день, который Харви видел прежде. Хотя больше не было разговоров ни о Худе, ни о Доме, ни о зеленом холме, где Дом некогда стоял, этот предмет был составной частью каждого взгляда и любой улыбки Харви и его родителей.

Харви понимал, что они имеют самое смутное представление о том, что случилось с ним, но все трое были согласны в одном: прекрасно быть опять вместе.

С этого момента время станет драгоценным. Оно будет вытикивать так же, как и всегда, но Харви решил, что не станет расходовать его на вздохи и жалобы. Он наполнит свое сердце временами года, которые отыщет в своем сердце. Надежды, как птицы на весенней ветке, счастье подобно летнему солнцу, волшебство похоже на поднимающиеся осенние туманы. И лучше всего любовь, любовь, достаточная для тысячи Рождеств.